

Ловцы удачи

Автор:

Алексей Пехов

Ловцы удачи

Алексей Юрьевич Пехов

Мир на границе Изнанки

Сложно убежать от своего прошлого. Для этого придется преодолеть множество трудностей и оказаться на другом конце света, в стране теплого солнца, ласкового океана и тропических островов. Где небо бороздят воздушные пираты и лихие капитаны, процветают разбой и контрабанда, рекой льется ром, и все уважают летунов. В мире на границе Изнанки всех ловцов удачи ждут головокружительные приключения и чудеса на виражах.

Алексей Пехов

Ловцы удачи

Глава первая,

в которой я навсегда прощаюсь со своим прошлым

Мой стреколет выскочил из облаков, точно демон из плохо запечатанной шкатулки, стремясь на юг, где за далеким лесом, ничуть не напоминающим вековые чащи, среди которых я вырос, меня ждал океан и, быть может, новая жизнь и дом.

Возможно, я несколько торопился с мыслями о будущем, особенно учитывая обстоятельства. Сейчас моей главной задачей стало убежать как можно дальше, а также поглядывать по сторонам и надеяться, что удача мне улыбнется.

Не улыбнулась, заberi ее Небо! Сегодняшний день оказался не более удачным, чем вчерашний, – преследователи все еще крутились неподалеку. Они шли в трех милях впереди и в двух ниже меня. Их присутствие выдавала сверкнувшая на фоне леса серебряная искорка – блик солнца на полированном борту стреколета.

– Ну почему вы не можете оставить меня в покое?.. – пробормотал я, бросив быстрый взгляд на магический шар, горящий на приборной панели и говоривший мне, что количество сапфировых клиньев в оружейном отсеке подходит к нулю. В предыдущем бою я растратил почти весь их запас, слишком жарко там было, чтобы я думал об экономии.

Прошло уже больше двух суток с тех пор, как я бежал из родного дома, в котором меня сочли чересчур опасным для того, чтобы я продолжал жить. За все время бегства я так и не успел сомкнуть глаз, уже пятьдесят часов находясь в кабине стреколета в тщетной попытке оторваться от погони, которую отправил за мной шеллэн[1 - Высший военачальник эльфов, командующий воздушными эскадрами. – Здесь и далее см. глоссарий.], верный слуга кираллэты[2 - К и р а л л э т а (эльф.) – близкий аналог перевода на человеческий язык – королева, хотя этот термин имеет более глубокое значение. Правительница Эллатейры – королевства эльфов.].

Мне трижды пришлось драться в небе, но те, кто уцелел, продолжали гнаться за мной, точно охотничьи леопарды, рвущиеся добыть редкий трофей для своего хозяина.

– Ну что же, – прошептал я, оценивая расстояние. – Пора заканчивать нашу историю.

Особого выбора у меня не было. Еще несколько часов погони – и я не смогу управлять стреколетом. Засну прямо в полете, и тогда они сделают из меня решето.

Так что сейчас в небе должен остаться или я, или они.

Я отжал жезл управления от себя, заставив мой «Серебряный источник» пойти вниз. Усталый демон в днище надсадно взревел, увеличивая скорость, и стреколет стал падать, словно сложивший крылья грифон. В перекрестье моего прицела попал прекрасный серебристый силуэт ведомого – остроносый, изящный, со стреловидными крыльями, под которыми висели пушки, хрустальной кабиной и золотистыми выемками воздухозаборников, – и я нажал на гашетку в тот самый момент, когда он проходил над широкой лентой безымянной реки.

Темно-синие трассеры взорвали спокойную водную гладь высокими белыми фонтанами и разорвали стреколет, созданный лучшими мастерами моего народа. Горящие обломки рухнули в воду и камыши, перепугав окрестных водяных.

Я вышел из пикирования у самой земли, заложив резкий вираж с набором высоты, пролетел над верхушками деревьев. Уцелевший противник, который еще несколько секунд назад был ведущим в теперь разбитой паре, успел среагировать и атаковал меня. Справа от крыла пронеслась пристрелочная очередь, и вокруг моего стреколета вспыхнули магические чары отражающего щита, поглощая попадание.

На следующем вираже – резком и с сильным креном – я смог сбросить преследователя с хвоста. Мы разлетелись, а затем, развернувшись над безучастным лесом, стали стремительно сближаться. Я открыл огонь на секунду раньше, расстреливая последние клинья. Мой стреколет сильно трянуло, когда я увернулся от смерти, но противнику повезло гораздо меньше.

Над его «Серебряным источником» всколыхнулось белое пламя, защитный купол лопнул от прямого попадания, и нос стреколета вспыхнул. Накренившись и оставляя за собой дымный черный хвост, «Источник» по пологой дуге начал снижаться к земле, рыская из стороны в сторону.

Было видно, что летун еще жив и пытается справиться с теряющей управление машиной. Я несколько секунд держал его в перекрестье прицела и убрал палец с гашетки.

Не хочу добивать того, с кем когда-то дружил.

Стреколет скрылся за стеной деревьев, и теперь его местоположение указывал лишь густой дым. Я снизился, прошел над этим местом, увидел большую поляну, завалившийся на бок серебристый корпус, широкую межу вспаханной им земли.

Мне не следовало задерживаться, но иначе я просто не мог. Совершив посадку неподалеку, отстегнул ремни, взял прикрепленный к спинке кресла клинок, схватился за поручень, легко спрыгнул в высокую траву.

Маленькая бабочка-лимонница с полупрозрачными крылышками аккуратно присела на край сломанного хвостового оперения поверженного «Источника», перепутав его с одним из цветков, на которых собирали ароматный нектар ее подружки. Однако стоило мне подойти поближе, и она, встревоженная, вспорхнула. Я проводил ее немного завистливым взглядом – хорошо, когда можешь беззаботно летать от цветка к цветку и радоваться жизни.

Судя по повреждениям стреколета, в кабине меня не ждало ничего хорошего. Ее стеклянный колпак был разбит, в тонкой золотистой раме осталось всего лишь несколько острых осколков. На них атели брызги крови. Когда я заглянул внутрь, то увидел, что ею заляпаны все стенки и пол. Летный комбинезон прижатого ремнями к креслу эльфа превратился в окровавленную тряпку, в груди зияла дыра, но мой бывший боевой товарищ, вопреки всему, до сих пор был жив. Когда я склонился над ним, он открыл глаза и попытался улыбнуться:

– Я так и не смог превзойти тебя, Лас.

– Держись, – сказал я ему. – Сейчас я тебя вытащу, Нелан.

– Ни к чему, – сказал он. – Оставь все как есть.

Я знал, что он прав, и, видит Небо, испытывал сожаление оттого, что жизнь распорядилась таким образом. Рядом со мной умирал хороший эльф и отличный летун. Происходило это из-за меня – который не согласился с приказом, хотя основная вина в его смерти лежала на той, кто отдала этот приказ.

Я хотел остановить бессмысленную бойню. Хотел, чтобы эльфы, мои друзья по эскадрилье, больше не погибали в небе. Я отказался вести на убой своих подчиненных. Выступил с обращением к совету. Но в итоге лишь стал предателем и мятежником. И ничего не смог изменить.

Люди считают, что эльфы не убивают друг друга, однако они глубоко заблуждаются. Мы только этим и занимаемся в бесконечных стычках и конфликтах между семьями высоких родов. По сути дела, в своей глупой кровожадности некоторые из нас ничуть не лучше орков.

– Я ни о чем не жалею, – внезапно сказал летун. – Мне приказали остановить тебя. Я не мог не подчиниться. Как видно, у меня нет твоей смелости. Значит, уйду под сень Великого леса чуть раньше тебя... Квезаллэ[З - Наемные убийцы и ловцы беглых преступников. Члены этого клана подчиняются только приказам шеллэна.] скоро будут здесь.

– Не скоро, – возразил я ему. – У меня фора в несколько часов, убийцы значительно отстают.

– Ты не скроешься от них, и шеллэн не оставит тебя в покое. Ты – первый, кто осмелился открыто перечить ему и кираллэте. Такое не прощается. Беги, Ласэрэлонд. На самый край земли, иначе все это было бесполезно.

Он увидел, что я хочу возразить, и с нажимом произнес:

– Мне бы очень не хотелось, чтобы моя смерть оказалась напрасной. Так что выживи.

– Я постараюсь исчезнуть.

– Хорошо. – Его благородное лицо было серым от боли и потери крови.

Он шумно вдохнул.

– Я что-нибудь могу для тебя сделать? – спросил я.

Нелан лишь качнул головой и посмотрел на безмятежный лес, губы его тронула горькая улыбка.

– Об одном жалею – больше не увижу дом, – сказал летун.

Еще через минуту он перестал дышать. Клинком я перерезал травяные ремни и с некоторым трудом вытащил его тело из кабины. Затем отнес в клевер, над которым умиротворенно гудели собирающие нектар шмели. У меня не было лопаты, да это и не требовалось. Тело эльфа должно покоиться под дубами, а если их нет поблизости, то следует предоставить его прах ветру и цветам.

Я закрыл ему глаза, отстегнул с его пояса желтую пластинку, которая есть у каждого летуна моего народа. Бросил на тело и произнес формулу освобождения.

Кокон теплого света окутал Нелана, а когда погас – в небо взлетел целый рой семян, похожих на солнечные искорки. Тепло-желтые и воздушные, они поднялись над лугом и, подхваченные внезапным порывом ветра, отправились в свой последний полет, чтобы спустя несколько десятков лет превратиться в прекрасные, могучие деревья.

Там, где совсем недавно лежал мой бывший друг, остался лишь примятый клевер.

Я мог бы сказать напоследок, что сожалею. И что не стоило ему влезать в эту историю. Но лишь с тяжелым сердцем направился обратно к стреколету.

Бесконечный лес сменился ухоженными полями, песочно-охряными извилистыми дорогами и уютными деревушками с белыми домиками, а впереди, над горизонтом, показалась бледная дымка – первый предвестник океана.

Семерка убийц из моего народа была еще далеко, я все еще опережал их, спеша к самому южному форпосту на Западном материке.

Земля, длинным языком протянувшаяся между гномьим Вестхаймом и дикими лесами Грачиного края, в этом регионе выглядела гораздо менее оживленной, чем другие человеческие территории. Я не помнил название, которое дали городу люди, – на наших картах он именовался Аллэ-ат-курор – Прибрежный.

Я сделал круг, изучая местность. На лесистом холме, в северной оконечности города, высился мощный замок с железными шпилями. Возле гавани, где

садились воздушные корабли, стояло несколько укрепленных фортов. Крупная стационарная огневая батарея, судя по профилю и пушечным портам переделанная из старого линейного корабля, висела над западной частью Прибрежного, там, где находились респектабельные жилые кварталы.

Вот уж не знаю, кого они здесь опасаются. Залетные эскадрильи разбойников в этих краях более редкие гости, чем даже хасамские людоеды. А последних истребили еще десять лет назад.

Сверху город больше всего напоминал тележное колесо. Центр – дворцы и парки, от которых в стороны расходились широкие проспекты, тянущиеся к океану, лесу, холмам и каменистым пустошам на окраинах. Чем ближе к берегу, тем более тесная застройка, ветхие крыши и узкие улицы. Здесь, в отличие от западных частей, почти не было зелени, и огромной серой площадкой выделялся порт, разбитый на множество пирсов – для приема летающих судов, сажающихся в доки, построенные прямо в океане.

Воздушное движение оказалось достаточно напряженным, но я легко разобрался с коридорами следования. Чем мне нравятся люди, так это их попытками систематизировать хаос. Если кто-нибудь из вас оказывался над городами кобольдов, тот поймет, о чем я говорю. Большинство воздушных катастроф там происходит из-за сумасшедшего трафика в небе, где каждый летит как хочет и куда хочет, невзирая на последствия и не считаясь с соседями.

Над Прибрежным крутились в основном гражданские стреколеты – машины без пушек, брони и щитов, кажущиеся удивительно хрупкими. Но, делая второй круг, я заметил звено «Месяцев», ведущих патрулирование примерно в шести сотнях ярдов надо мной. Тупоносые, с четырьмя акульими крыльями и торчащими из днища стволами, они казались нелепыми, хотя в воздушном бою были очень эффективны.

В городе имелось три посадочных полосы. Первую, самую крупную, далеко выдающуюся в океан и расположенную возле портовых доков, где приземлялись тяжелые корабли, я проигнорировал. На ней меня будут искать в первую очередь – потому что спрятать стреколет там очень разумно: активное движение, много ангаров, много машин и сотни летунов. Пара квезаллэ обязательно отправится туда для проверки.

Вторая полоса, принадлежащая замку, судя по сигнальным огням фэйри, предназначалась исключительно для военных, и садиться туда себе дороже. Лучшего способа привлечь внимание просто не существует, а внимание в данных обстоятельствах мне совершенно не нужно.

Была и третья – короткая, запыленная, неухоженная, на самой окраине восточных трущоб, окруженная со всех сторон ангарами, сараями и складскими помещениями, у большинства которых провалились крыши.

Посадочные сигналы не горели, фэйри отсутствовали, я прошел над ней на бреющем, но в последний момент решил отказаться от посадки. Здесь я буду точно бельмо на глазу, слишком заметен. Следовало разбить отряд охотников, смутить их и запутать как можно сильнее, для того чтобы они разделились. Это даст мне шанс протянуть время, подготовиться и пережить встречу.

Океанский берег сейчас был самым лучшим вариантом. Когда последние городские кварталы остались позади, я посадил стреколет за большим пустырем, совсем недалеко от бушующих волн. С помощью кольца Развоплощения усыпил демона. Поднял вверх стеклянный колпак и несколько секунд сидел в кабине, слушая, как гремит прибор.

Потом снял шлем, положил его на сиденье. Выбросил вниз, на песок, сумку с немногочисленными вещами, затем спрыгнул сам. Снял летный комбинезон, в последний раз посмотрел на «Золотую стрелу», эмблему моей эскадрильи. Скомкав его, закинул в кабину.

В сумке была обычная одежда. Человеческая. Она оказалась мешковатой, как и любая одежда людей, но впору мне, спасибо тем, кто подготовил ее для меня во время побега. Капюшон на тонкой замшевой куртке тоже был очень кстати, не люблю, когда таращатся на мои уши, словно это рога минотавра.

Следующий десяток драгоценных минут я копался под днищем стреколета, с помощью кольца Развоплощения взламывая магические замки. Наконец тяжеленная панель, закрывающая мне доступ к внутренностям «Серебряного источника», поддавалась, и я заглянул в отделение, находящееся под бронепластиной корпуса.

Там, в солнечном свете, медленно поворачиваясь гранями, плавал кубик, сплетенный из тонкой золотой проволоки. В его центре бесновалась фиолетово-синяя туча – скованный и усыпленный демон, сущность из мира Изнанки, благодаря которым летают стреколеты и корабли. Я не собирался оставлять подобную ценность.

Убрав едва теплый кубик в сумку, я закрыл бронепластину и замки. Внешне все должно быть как прежде, чтобы никто не видел, что стреколет больше не может летать. Квезаллэ найдут его, в этом я не сомневался, и кому-то из них придется остаться здесь, на случай если я вернусь. Чем меньше убийц станет разыскивать меня по городу, тем лучше.

Однако нельзя исключать вероятности, что я не смогу найти подходящий корабль. Тогда действительно придется возвращаться, чтобы продолжить свой путь. Мой демон не вытянет перелет над океаном к другому материку, слишком он устал, но у меня нет выбора. Я буду лететь сколько смогу, а потом, если понадобится, поплыву, но не доставлю удовольствия шеллэну и не вернусь на плаху.

Я провел рукой по гладкому прохладному боку «Серебряного источника». Мы вместе прошли не одну военную кампанию. Жгли орочьих «Носорогов» в Болотистой стране, сопровождали шхуну кираллэты, сбивали разбойников и пиратов, вместе падали с небес, но всегда поднимались вновь. Расстаться с ним, последней частичкой прошлого, последним связующим звеном с моим народом, оказалось очень непросто.

Я надеялся еще его увидеть, но чувствовал, что скорее всего этого не случится, поэтому шепнул:

– Прощай.

И быстро пошел в сторону города по песку, влажному от морских брызг.

На душе скребли кошки.

Глава вторая,

в которой в том числе речь идет и о нежно-персиковом цвете

Заброшенная посадочная полоса была у меня на пути, и я вышел к ней возле ангаров, за которыми начинались неровные прямоугольники кварталов Прибрежного. Здесь оказалось уже не так пусто, как раньше, – на рулежной дорожке стоял стреколет, старенькая «Мушка». Рядом с ним возились двое – лохматый седовласый гном с пожелтевшей от табака бородой, в потертой кожаной куртке, и худенькая человеческая девчонка со смешливыми карими глазами и короткими волосами пшеничного цвета.

– Надо торопиться, – услышал я хриплый голос гнома. – Если это корыто не поднимется в небо, к ночи у нас будут проблемы.

– Успеем, – ответила девушка.

– Как они нас выследили? Уже столько времени прошло. Где же мы ошиблись?

Как видно, не один я хочу сегодня спрятаться. Вот и еще беглецы.

Заметив меня, гном нахмурился, вытер руки грязной тряпкой (отчего чище они не стали) и взялся за мушкет, прислоненный к ящику с инструментами.

– Это частная территория, парень! – грозно сказал он мне, приняв за человека, так как на моей голове был капюшон.

– А я думал, полоса заброшена, – миролюбиво ответил я ему.

Он тут же прищурился, уловив мой мягкий и певучий акцент. Существует шутка, что эльфа можно узнать даже в темной комнате исключительно по тому, как он произносит слова.

– Не цепляйся к нему, Флихал, – сказала девчонка, перестав крутить гайку, и махнула тяжелым ключом. – Тебе делать, что ли, нечего?

– Это эльф, Ромашка. Терпеть не могу скотских эльфов. Везде суют свой нос!

Я мог бы то же самое сказать о гномах, добавив лишь, что это сварливое и склочное племя недомерков, которые в любом споре обожают хвататься за все, что стреляет, колет или рубит.

– Лучше помоги мне здесь. Поставь, пожалуйста, калибратор, я не могу проверить, все ли цепи замкнуты правильно, – продолжала настаивать его спутница.

Гном заворчал, сплюнул и грозно буркнул мне:

– Проваливай отсюда, остроухий.

Он поднял с земли грязную запчасть, лег под днище стреколета, начав раскрывать один из отсеков.

– Не обращай внимания, он немного нервничает. – Летунья, в отличие от своего напарника, была гораздо более дружелюбной. – Заблудился?

Я прекрасно помнил «карту» города, которую увидел из кабины стреколета, поэтому лишь молча покачал головой.

– Не каждый день встретишь звезднорожденного в этих краях, – заметила она и добавила: – Не ходи через тущобы, там уже несколько дней неспокойно. Гоблины борются за свои права. Сразу за ангаром возьми влево, избежишь массы неприятностей.

– Спасибо.

Она сверкнула улыбкой, вытерла рукавом летного комбинезона чумазую щеку и вновь занялась работой. Гном же бросил на меня еще один недовольный взгляд. После того как его родственники из Вестхайма попытались перекрыть торговые фарватеры в наши леса и увеличить пошлины на демонов, а мы в ответ не продали им обладающую особыми свойствами воду из источников вековых эльфийских дубрав для остужения их горнов, вражда между северными кланами гномов и светлыми эльфами вышла на новый уровень.

В сотый раз за последние десять лет.

Я последовал совету девушки не лезть в трущобы. Обошел их стороной и, оказавшись на широком перекрестке, свернул направо, зная, что через шесть кварталов улица должна вывести меня к широкому проспекту, по которому я без труда доберусь до порта.

Прибрежный – крупный торговый и транспортный центр этого королевства людей, но также здесь живут и другие расы: орки, тролли, гномы, кобольды и хаффлинги. Все эти народы вполне уживаются, и конфликты между ними происходят гораздо реже, чем можно было бы ожидать. Люди, для которых здесь главное стабильная торговля, ввели жесткие законы, и если ты их нарушаешь, то въезд в город тебе заказан. А нет города – нет и возможности торговать, а значит, в карманах не звенят луидоры. Поэтому хотя некоторые прохожие и косились друг на друга, но вели себя мирно.

Я вышел к большому тенистому клену, растущему прямо на перекрестке – очень заметному ориентиру, и свернул направо. По этой стороне улицы тянулась высокая кованая ограда, вдоль которой стояли пирамидальные тополя. За ними начинался большой сад с огромными круглыми и квадратными клумбами, где преобладали алые и желтые цветы. Дорожки, выложенные голубым камнем, вели к белым беседкам и павильонам, а целая череда каскадных прудов была соединена друг с другом рукотворными водопадами. Отсюда ничего этого видно не было – деревья закрывали обзор, но я пролетал прямо над парком, так что прекрасно рассмотрел то, что скрыто от глаз обычных пешеходов.

Когда я добрался до широкого проспекта, то увидел серый, больше похожий на крепость храм с шестью куполами. С земли он выглядел огромным и величественным, а сверху больше походил на паука с ножками-лестницами, раскиданными во всех направлениях. Перед ним находился еще один перекресток. Дорога влево вела к центру города, дворцам знати и просторным кварталам с бордовыми крышами, зелеными лужайками и закованной в гранит набережной реки. А если идти прямо – сразу за храмом улица сужалась и начинался прибрежный район.

Мне было надо как раз туда.

Прохожих здесь оказалось гораздо больше, чем в других районах, и в некоторых переулках возникала настоящая давка. Приходилось протискиваться через эту толчею, вокруг меня звучала незнакомая речь разнообразных народов, и я вспомнил, как в первый раз попал в человеческий город.

Я был еще ребенком, и меня взял с собой мой дядя. Он возглавлял посольство эльфов, которое отправилось заключить союз с Лигой – южным королевством Грачиного края. Столица той страны была чем-то похожа на Прибрежный, и тогда она мне очень не понравилась.

Бесконечное нагромождение белого камня, уходящего в небо, сжимающего все, чего он касался, для меня, прошедшего всю жизнь в лесах, выглядело дико. Дома, мостовые, колонны, дороги, набережные и взлетные полосы – куда ни кинь взгляд, везде один и тот же бездушный грубый материал, который могут любить только гномы. Место, где почти не росли деревья, не было ни травы, ни водопадов, ни игры солнечных лучей в ветвях, казалось мне мертвым, а запахи, которые разносил вялый ветер, ничем не напоминали аромат цветов и свежей зелени.

Сутолока, десятки рас, непонятные правила и языки. Я очень хотел вернуться назад, в Эллатейру, в просторные леса, которые полны ветра и солнца, но мой дядя лишь улыбнулся и сказал, что среди людей гораздо просторнее, чем у нас на родине.

– Здесь все неживое! – возразил я ему.

– Поверь, мой мальчик, в наших городах гораздо меньше свободы и жизни, чем тебе кажется. Я бы хотел жить здесь, а не в своем дворце.

Мне пришлось вырасти, чтобы оценить то, что он говорил. Моего дяди давно уже нет, и он умер в Эллатейре, но мне это не грозит. Похоже, я осуществил его мечту, и теперь моя жизнь будет связана с подобными городами. Надеюсь, находясь среди звездных дубов, он радуется этому.

По пути я внимательно читал вывески магазинов, пока не нашел ту, что заинтересовала меня.

Внутри помещение оказалось совсем маленьким – стойка, несколько шкафчиков, винтовая лестница, ведущая наверх, на узкий балкончик. Оттуда спустился рыжеволосый волшебник в пропыленном сюртуке.

– Доброго дня. Я ищу эликсир от сна. Мне нужно несколько штук.

Человек поправил сползшие с переносицы очки в тонкой оправе, снял с полки бутылочку с прозрачной жидкостью и, откашлявшись, сказал:

– Это все, что у меня есть. Один луидор.

– Дорого.

– Подобные составы всегда в цене. Особенно у летунов на дальних рейсах.

– Мы оба прекрасно знаем, что цена завышена. – Я не прижимист, но сейчас с деньгами у меня очень плохо. – Заплачу половину суммы. Серебром. Или мне придется поискать другой магазин.

Понимая, что я не уступлю, человек вздохнул:

– По рукам.

На улице я зубами выдернул пробку и выпил безвкусную жидкость. Эффект не заставил себя долго ждать – резь в глазах исчезла, краски стали яркими и четкими, а звуки обострились, словно я вытащил вату из ушей.

Следующим по плану у меня был визит в порт. Я вышел к нему по улице, где каждый дом был покрашен в цвет на тон темнее, чем предыдущий, и вся дорога напоминала путешествие по нити хасамского шелка.

Прямо передо мной оказалось здание адмиралтейства – старое, приземистое, с часовой башней и каменными химерами на крыше. Справа располагались квадратные склады, тянувшиеся вдоль берега на несколько миль. Слева начинались пирсы, доки, корабельные стоянки, здесь же мерцали на высоких полосатых столбах сигнальные маяки и стоял таможенный корпус.

Ветер, больше не сдерживаемый жилыми кварталами, гулял по пустому пространству между адмиралтейством и станцией контроля полетов. Он донес до меня запах океана, дегтя, которым были пропитаны доски пирсов, экзотических фруктов, лежавших в ящиках из красноватой древесины, и

пряностей, продаваемых на маленьком рынке, уютившемся возле билетной станции.

Я прошел мимо артели серокожих троллей – больших, мускулистых, сердито сопящих и с виду очень неуклюжих. Они споро разгружали пузатый галеон, складывая товары на подъезжающие подводы, в которые были запряжены похожие на коров лохматые звери.

За порядок в порту отвечали минотавры – здоровенные парни со свирепыми бычьими мордами. Они неспешно ходили вдоль пирсов, зорко следя за тем, чтобы никто не затевал драк.

Большая тень накрыла пирс, на котором я стоял, – гномья шхуна, выпустив из люков блуждающие огни, сигналившие всем о том, чтобы убрались с дороги, величаво заходила на посадку. У нее был квадратный корпус, со всех сторон обшитый толстым металлом, острый киль, длинный нос с хищным бушпритом и два больших, горящих рубиновым светом колеса с лопастями. Они медленно вращались, загребая воздух, и демоны, находящиеся в них, тихо гудели.

Навстречу шхуне шел баркас. Старый, с одним обтрепанным воздушным колесом и поврежденным баком. Он пытался выбраться с причала, но целая стая фэйри перекрыла ему дорогу, показывая, что он должен пропустить броненосец гномов.

Выли латимеры, то и дело извещавшие о садящихся стреколетах. Матросы, торговцы, чиновники, солдаты и летуны спешили по своим делам, и никто не обращал на меня внимания.

Я шел вдоль ближайшего причала, изучая суда. Они стояли друг за другом, безмачтовые, с обтекаемыми обводами, металлическими корпусами, с пушечными башнями, капитанскими надстройками, остановленными воздушными колесами и поднятыми вверх, прижатыми к пузатым бокам штурмовыми крыльями.

Сейчас моя цель – покинуть Западный континент. Улететь на Восточный, затеряться в человеческих городах, а через несколько лет, если повезет, попасть к моим темным сородичам.

Пассажирских кораблей было всего три, я зашел в билетную кассу, глянул расписание, висящее на стене, у окошка. Ни одно из судов не шло в нужном мне направлении. Но я все равно купил билет на самое дальнее расстояние, сделав все, чтобы кассир смог меня запомнить, а затем описать квезаллэ, если те спросят про меня.

Разумеется, я не собираюсь лететь к Пурпурным горам, но охотников шеллэна стоило запутать еще сильнее.

После этого я вернулся к пирсам и расспросил нескольких матросов, каждый раз узнавая про разные направления. Когда речь зашла о Восточном континенте, один из них указал мне в сторону пузатого каботажного судна.

Капитан посудины – человек, с лохматыми бакенбардами и слезящимися глазами, выслушав меня, равнодушно пожал плечами:

– Свободное место есть, но в Гардальде мы идем не прямым курсом. Пересекаем весь Западный континент, и стоянки у нас в семнадцати портах. Это больше двух месяцев пути. Если не смущает – найду тебе койку.

– Сколько?

– С питанием, как у матросов, четыре луидора, и проживание в трюме. Если нужна каюта, готов уступить свою не менее чем за двадцать, но столоваться все равно с командой, отдельно у нас не готовят.

– Мне достаточно гамака в трюме.

– Воля твоя, эльф. Поднимайся на борт.

– У меня еще есть дела в городе.

– Отчаливаем в полночь. Не опоздай, если не хочешь остаться на берегу.

Человек показал, что разговор закончен, и скрылся в надстройке, из которой как раз вышел упитанный старикан, несущий визжащий деревянный ящик. Не знаю, кто там сидел, но вопил он похлеще, чем какой-нибудь кровожадный призрак.

Драившие палубу матросы, услышав эти крики, рассмеялись:

– Ты все-таки его поймал, боцман!

– Занимайтесь своим делом! – огрызнулся старик. – Цирк уехал, сейчас я утоплю эту гадину, и дело с концом.

Вопли превратились в один истошный крик о помощи, а ящик затрясся, так как сидевший в нем пытался вырваться на свободу.

– Эй, приятель! – окликнул я человека. – Кто там у тебя?

– Безбилетник. Сожрал мои сапоги, весь табак и трубку в придачу. И чуть не сгрыз одну из демонических Печатей, едва не отправив нас напрямик в Изнанку. Надеюсь, ты понравишься русалкам, мелкий гаденыш!

Он мстительно встряхнул деревянную тюрьму, и вой стал выше еще на одну жалобную ноту. Мне не понравилось то, что должно было случиться, – никто не заслуживает смерти в ящике, даже если он съел двадцать пар сапог и целый бочонок лучшего табака.

– Продай его мне, – попросил я. – Дам серебряную монету.

Боцман удивленно крякнул и подозрительно посмотрел на меня:

– А тебе эта гнусь для чего?

– У меня есть приятель-сапожник. Хочу над ним подшутить. – Врал я не то чтобы складно, но это сработало.

Он задумался и почесал в затылке:

– Я между двух демонов, эльф. Один уговаривает меня проучить паршивца, другой говорит, что продать его тебе – это значит компенсировать потери. Так и быть. Гони деньги.

Не прошло и минуты, как притихший ящик поменял владельца. Тот, кто сидел в нем, был не слишком-то тяжелым и теперь напряженно молчал, раскачиваясь внутри в такт моим шагам.

Вечерело, и облака над портом окрасились в розовые тона. Чайки кричали как оглашенные, мельтешили в воздухе, сходили с ума из-за того, что с океана возвращалась целая флотилия рыбацких баркасов – единственных морских судов, которые я увидел в этом воздушном порту.

Когда-то, давным-давно, все путешествовали на кораблях, бороздя океаны, а не небеса. Но с тех пор, как гномы научились добывать демонов из Изнанки, мир сильно изменился. Теперь морскими судами мало кто пользуется.

Во-первых, зачем, когда есть демоны? Это гораздо быстрее и удобнее. Конечно, сперва находились умники, которые внедряли существ из иного мира в парусники, но ничего хорошего из этого не получилось. Демон блокируется Печатями, и когда его пробуждали, ослабляя магические замки, он несся вперед с такой скоростью, что у шхун и бригантин рвались паруса и ломались мачты, они отрывались от воды и чаще всего разбивались. Во-вторых, теперь тихоходные морские корабли использовать себе дороже – в отличие от бронированных летающих крепостей они все еще делаются из дерева и любое звено стреколетов разнесет их в щепки.

Но, как видно, в этих землях кто-то еще использует парусники, перевозя грузы на близкие расстояния.

Стреколеты продолжали прибывать, демоны в их брюхах злобно ревели, так что я мог посочувствовать тем, кто обосновался рядом с посадочной полосой.

Внутри ящика мрачно молчали, лишь несколько раз, пока я шел портовыми улицами, оттуда раздавалась тихая возня. В маленьком дворе, где женщина снимала с веревок высохшее белье, я достал из ножен клинок и выломал две верхние доски:

– Выбирайся, приятель. Дай я хоть посмотрю на того, кто стоит целую серебряную монету.

Внутри что-то зашевелилось, помедлило, а затем выползло на свет.

Подобных этому существ я не видел – чуть крупнее большого апельсина, все покрытое нежно-персиковой шерстью. Три толстые, словно сосиски, лапы заканчивались зловещими, изогнутыми черными когтями. Под пушистой шерстью угадывались глаза, пасть, розоватый кошачий нос и, кажется, уши, хотя я не мог бы за это поручиться.

Его бока (хотя на таком круглом теле было сложно определить, где заканчивается голова и начинаются эти самые «бока») тяжело вздымались, и почти минуту мы смотрели друг на друга не отрываясь.

Я решился сделать первый шаг и сказал существу:

– Привет.

Протянул к нему руку, и пальцы мои уцелели лишь потому, что мое проворство не уступало его скорости. Оно подскочило, клацнуло пастью со щучьими зубами, промахнулось, рыча, отпрыгнуло в сторону, персиковой молнией пронеслось к дому, в мгновение ока забралось на крышу, завопило, заухало и исчезло с глаз.

– Вот и вся благодарность, – проворчал я, вставая с колен. – Надеюсь, что тебя больше никто не вздумает топить, приятель. А с таким недружелюбным характером, как твой, это вполне возможно.

Бежал я из Эллатейры налегке. О нормальных сборах не могло быть и речи, особенно если несколько предыдущих дней ты провел в тюрьме. При себе у меня имелось лишь то, что дали мои друзья, вытащившие меня из-за решетки. И денег среди вещей оказалось удручающе мало.

А между тем мне еще следовало завершить несколько дел, и, чтобы осуществить их, требовалась звонкая монета, так что я решил продать кое-что из личных вещей. Самый дорогой предмет в моей сумке – это демон, но расставаться с ним я не планировал. Это мое вложение в будущее, мой шанс вернуться в небо, без которого я, как и любой нормальный летун, не могу жить.

Одежда моя никому не нужна, кольцо рода забрал шеллэн перед трибуналом, артефакт «Ледяное безмолвие», разряженный наполовину, еще пригодится.

Оставалась лишь одна вещь, которую совсем не жалко.

Подходящую оружейную лавку я нашел достаточно быстро. Меня не смутило даже то обстоятельство, что второе название было написано гномьими кружочками, треугольничками и ромбиками. Гномов можно не любить до бесконечности, но они понимают толк в оружии, это я готов признать.

В огромном мрачноватом зале уже зажгли фонари, и их яркий свет обволакивал висящие на стенах абордажные сабли, секиры, находящиеся в стеклянных шкафах, мушкеты с хитрыми прицелами, пистолеты с заводными шестеренками и арбалеты, тетива которых натягивалась паровыми цилиндрами. Были здесь и доспехи – судя по мягко фосфоресцирующим рунам, все как один заговоренные, да еще и усиленные ребрами жесткости. Возле дальней стены, аккуратно расставленное, красовалось оружие для стреколетов – бронзовые «молнии», формирующие на своих катушках мощные электрические разряды, ульи для огнепчел, которыми предпочитали пользоваться другие расы. Имелась даже сорокафунтовая пушка. Большой плакат напротив входа кричал на всех известных языках, что только здесь можно заказать партию тяжелых Грызей по оптовым ценам.

За прилавком стоял кобольд. Как и все представители этого народа, он носил длинные усы, перевитые цветными ленточками, говорящими о принадлежности к определенному клану. Высокий, тощий, красноглазый, с баклажановой кожей и собачьими ушами, он был облачен в кожаный фартук, перепачканный ружейным маслом.

Когда я вошел, продавец отвлекся от разбора колесцового замка мушкета и поднял на меня пронзительные глаза с огромными кружками зрачков.

– Что желаете приобрести?

– Желаю продать.

– Сожалею, – сухо сказал он, разом потеряв ко мне всякий интерес и вновь уткнувшись длинным носом в мушкетный замок. – Мы занимаемся только продажей, без скупки. Покупают через три квартала от нас, прямо по улице.

Я лишь пожал плечами. Нет так нет.

– Погоди, Ухо, – раздался густой баритон, и из подсобки появился степенный гном с ухоженной бородой, тащивший в руках ящик с капсулами огнепчел для пистолетов. – Давай посмотрим, что хочет предложить... почтенный.

С его стороны это была большая любезность – назвать меня едва ли не другом. Возможно, все гномы мерзкие хорьки, готовые избавить мир от эльфов, но, когда они занимаются торговлей, личные чувства идут побоку.

Я положил на прилавок оружие.

Гном основательно вытер руки, ничем не показывая своего изумления. Кобольд умел скрывать эмоции гораздо хуже компаньона и, продолжая для виду работать, то и дело косился на меч.

Недомерок вытащил клинок из ножен, быстро оценил баланс, остроту, взмахнул им в воздухе, так что раздался свист. Затем взял монокль, вставил в глаз и начал придирчиво изучать узорыковки.

Я не торопил, наблюдая, как едва заметно шевелятся его губы – гномье спокойствие дало трещину. Наконец он поднял на меня глаза и сказал:

– Не буду юлить. Торгашество оскорбит и клинок, и мастера, который его создал. Мы оба знаем, что такое оружие ваше племя называет эльвегарэ... меч гвардии вашей королевы. Ковка гномья, семьи, которой уже не существует триста лет, сталь ваша, лесная, но с небольшой примесью руды из Вестхайма. Впрочем, самое ценное – это пища для пламени, на котором плавил руду, – великие дубы, наделившие металл удивительными свойствами. Положение у тебя, эльф, явно безвыходное, раз ты решил расстаться с таким сокровищем.

Кобольд скривился, не одобряя поведение партнера, нахваливающего еще не купленную вещь.

– Сокровище для гномов и коллекционеров. В моих лесах такие мечи не редкость, – сухо ответил я. – Покупаешь?

– Не куплю. Извини. Нет подходящей суммы. – Он с сожалением убрал клинок в ножны.

– Назови свою цену. – Я не мог себе позволить такую роскошь, как бегать по оружейным лавкам до темноты в поисках выгоды.

Компаньоны удивленно переглянулись, и гном осторожно сказал:

– Четыреста луидоров драгоценными камнями. Еще сорок монетами.

Они уставились на меня, ожидая, когда я рассмеюсь им в лицо и назову сумасшедшими или мошенниками.

– Добавьте пистолет, заряды к нему, гальгеррэ. А также мне нужно несколько артефактов.

– Какие?

– Способные выдержать удар заговоренного клинка, «Огненная цепь», если есть, и «Закрыватель».

– «Огненной цепи» нет. Есть «Взрывное дыхание». Договорились?

– Договорились. Я хочу, чтобы они выглядели незаметно.

Гном прикинул:

– Если у тебя есть немного времени, я могу встроить их в пуговицы твоей куртки. Заметят только маги при тщательной проверке.

– Отлично.

Я постараюсь уничтожить преимущество квезаллэ, и лучше пусть у меня в кармане будет несколько сюрпризов.

– Гальгеррэ не найду. Коротких эльфийских мечей у нас отродясь в продаже не было, – сказал кобольд и поспешно добавил, опасаясь, что я передумаю: – Но нечто подобное будет. Хочешь посмотреть?

– Да.

Они оба исчезли, стараясь не пританцовывать и не петь от радости, а я в последний раз посмотрел на оружие. Никаких эмоций от его потери я не испытывал. Клинок мне не принадлежал, его мне дали вместе с другими вещами во время побега, он был слишком тяжел и неудобен для летуна, к тому же очень заметен из-за дорогой рукояти. Разумеется, любые доспехи такая штука режет, как масло, но обычно в воздухе с противниками сражаешься иным оружием. Такие мечи действительно хороши для гвардии, обожающей влезать в пограничные конфликты с орками или гномами.

Кобольд, вернувшись, молча протянул мне длинный кинжал с листовидным клинком, годным и для рубки, и для уколов. Сталь была отличной, работы гномов, о чем свидетельствовало клеймо клана Горхов – лучших оружейников подгорного племени.

– Пойдет, – сказал я.

Клинок повесил на пояс, пистолет зарядил тут же, опустив в ствол вместо обычной пули капсулу со злобно гудящей огнепчелой. К этому времени возвратился гном, поставил передо мной четыре столбика тяжелых золотых монет, а рядом с ними положил небольшой невзрачный мешочек.

Я высыпал на ладонь три самоцвета, и мне хватило одного взгляда, чтобы оценить их отменное качество.

– По рукам, почтенный, – кивнул я ему. – С вами приятно иметь дело, господа.

– Если у тебя будет еще что-то подобное, приходи в любое время, – сказал гном на прощанье.

Когда я вышел на улицу, наступили уже густые сумерки. Двигаясь по вечернему городу, я расслышал в реве, донесшемся с небес, знакомые нотки. Полное звено «Серебряных источников» прошло над Прибрежным в сторону посадочной полосы.

Охотники по мою душу прибыли в город.

Глава третья,

в которой неприятности отнюдь не кончаются, а даже множатся

Каков шанс у квезаллэ найти меня быстро? Будь город чуть меньше, и я бы сказал, что им потребуется не более пары часов. Но в данной ситуации есть небольшая вероятность, что мне все же удастся успеть убраться отсюда раньше, чем они нападут на мой след. Я сделал все возможное, чтобы разбить отряд, запутать и отправить по нескольким ложным следам. Кому-то из них придется сторожить мой стреколет, кто-то будет оставаться на главной полосе и сидеть в засаде у пассажирского корабля, на который я купил билет. Кто-то постарается обыскать город.

Остается надеяться, что моих усилий окажется достаточно для того, чтобы у них не было времени и возможностей наткнуться на каботажное судно, взявшее меня на борт.

В любом случае, даже если мы встретимся, убийц будет меньше семи. Это уже преимущество.

До отхода судна оставалось еще около трех часов. Я ничего не ел больше двух суток, так что, решив наверстать упущенное, зашел на большой постоялый двор и сел на открытой веранде, украшенной яркими огнями, где гремела музыка и было много посетителей.

Еда оказалась приличной, я не ошибся в своем выборе и как раз решил, что здесь совсем неплохо, когда ко мне без всякого приглашения подсел камнелюд.

Его красноватая кожа, шершавая и похожая на гранит, влажно блестела в свете фонарей, словно это существо недавно вышло из-под дождя. Темные провалы глаз, в глубине которых мерцали две голубоватые искорки, были неприятными – и я подумал, что мне бы не хотелось иметь с таким компаньоном общее дело.

– Летун, как я полагаю? – спросил он и пояснил: – Увидел кольцо на твоём пальце.

Он обезоруживающе улыбнулся, и его каменные губы скрипнули друг о друга.

– Есть выгодное предложение. Думаю, тебя заинтересует.

Ни к чему обижать вербовщика, он всего лишь выполняет работу, так что я кивнул, чтобы он продолжал.

– Мой наниматель ищет опытных летунов для разного рода мероприятий.

Он сделал паузу, ожидая, что я задам вопрос, какие это мероприятия. Но, не дождавшись, продолжил:

– Сколачивается неплохая группа с достойной оплатой для ребят, любящих приключения, небо и независимость.

– Я должен подумать.

– Если надумаешь, транспорт уходит завтра в полдень с восемнадцатого причала, – сказал вербовщик и, не добавив больше ни слова, растворился в гомонящей толпе.

Я знаю, чем заканчиваются «мероприятия разного рода» для «тех, кто любит приключения» – петлей на шее, огнечелой в затылок или поцелуем с землей в сбитом стреколете, потому что никто не любит пиратов, нападающих на торговые корабли. Моя прежняя жизнь закончена, но это не значит, что начинать новую следует с разбоя на большом фарватере.

Я расплатился за ужин и пошел прочь, обойдя компанию хорошо надравшихся карликов в желтых колпаках. Эти красноносые горбатые ребята как раз разогревались перед боем с мрачными зеленокожими орками, которые вливали в себя дорогой бурбон. И на тех, и на других с интересом поглядывали лохматые, похожие на собак гоблины, жрущие на полу какую-то склизкую дрянь из глубоких глиняных мисок. Эти всегда не прочь влезть в чужую драку, цапнуть кого-нибудь за лодыжку, навалиться все на одного и под шумок стащить не только кошелек, но и исподнее.

Хозяева, как видно, тоже сочли, что беспорядка не избежать, поэтому вызвали вышибалу-гролля – полукровку человека и тролля, мускулистого широкоплечего амбала с плоским лицом. Его грозный вид разом заставил карликов поскупнеть и переключить свое внимание на салат из моркови и капусты.

Без всяких приключений я вернулся в порт и добрался до корабля. Сходни каботажного судна были спущены, возле них дежурил минотавр из портовой стражи.

– Команда и капитан еще в городе, – сказал он мне, наклонив рогатую голову. – Но тебя велели пропустить. Так что можешь спускаться. Вон лестница.

Он ткнул пальцем в сторону распахнутого люка на палубе и трапа, ведущего в чрево корабля, добавив:

– Правый коридор пройди до конца. Твой гамак самый дальний на второй палубе. А как команда вернется, я скажу им, что ты на борту.

Я спустился по узким железным ступеням и оказался напротив бронзового, отполированного до блеска зеркала, висящего на стене, – большой редкости на таких посудилах. Сбоку от него мигнул тусклым светом фонарь, и я на миг столкнулся взглядом со своим отражением. Серые от пыли и грязи волосы коротко сострижены – совершенно не по моде моего народа, белки глаз покрыты красной сеткой лопнувших сосудов, мешковатая человеческая одежда, которая никогда не станет для меня привычной...

Еще раз подумав о том, что мне давно пора хорошо выспаться, я без труда нашел дорогу в полутемном помещении. Впереди, на столе, тускло догорала свеча. За ним, спиной ко мне, сидел кто-то из команды. Я негромко поздоровался, когда проходил мимо него, и услышал в ответ приветствие:

– Да хранит нас Золотой лес, звезды и мудрость кираллэты.

Сказано это было на языке моего народа, легко, певуче и без малейшего намека на акцент. Ну что же. Моим надеждам не суждено было оправдаться.

Они нашли меня.

Однако это еще не конец.

– Не могу тебе ответить тем же самым, – сказал я на родном лейрэ[4 - Наречие светлых эльфов.], поворачиваясь к нему. – В последнее время мудрость кираллэты вызывает сомнение.

– Вам ли судить, лэд?[5 - Обращение к эльфу из высшего сословия.] – безучастно спросил у меня незнакомец. – Ведь назвать мудрым вас не сможет даже ребенок. Ибо только глупцы не выполняют прямых приказов шеллэна.

Я с усмешкой посмотрел на эльфа, под глазами которого были красные линии татуировок. Интересно, за кого он меня принимает? За наивного взбалмошного простачка из благородных, капризы которого мешают ему думать?

Он совершенно уверен в себе и считает меня загнанным в угол. Я сделал вид, что несколько обескуражен тем, что меня нашли, нервно дернул плечом.

– Лишь один квезаллэ? – пробормотал я. – Где ты потерял своих дру...

Я замолчал и неохотно поднял руки, так как кто-то приставил к моему горлу острый точно бритва гальгеррэ.

Ну вот. Удалось выманить из мрака еще одного. Значит, их двое. Или больше?

Посмотрим.

– Мои друзья скоро подойдут, – ответил эльф, сидевший за столом. – Проверь его карманы.

Клинок остался прижат к моему горлу, в то время как стоявший у меня за спиной убийца проводил быстрый обыск свободной рукой. Я лишился пистолета, клинка и луидоров. Камни, надежно спрятанные в подкладке воротника, не нашли, как и артефакты в пуговицах, а вот моя сумка оказалась выпотрошена, и ее содержимое вывалено на стол.

– Присаживайтесь, лэд Ласэрэлонд, – сказал слуга шеллэна. – Поговорим.

– Мне казалось, что разговоров квезаллэ не ведут. – Я покосился на кубик с демоном, лежавший на столе среди прочих моих вещей.

– Не в вашем случае. Шеллэн велел доставить вас живым.

Я чувствовал, как второй наемник дышит мне в затылок.

– Вы нужны для показательной казни. В назидание другим бунтовщикам.

– И никто не боится, что я расскажу всем семьям, что мне приказали сбить товарищей из моего собственного звена? Сделать так, чтобы все подумали на орков, и шеллэн развязал бы новую войну для своей госпожи, которая могла бы еще немного расширить территорию нашей страны?

– Вы не сказали этого на процессе, не скажете и сейчас. Вас предупредили, что будет, если вы откроете рот, лэд. В измене обвинят не только вас, но и тех, с кем вы служили. Вы все лишь усложните еще больше.

– Больше некуда, квезаллэ. Когда эльфы начинают убивать эльфов только ради того, чтобы у них появился повод убивать орков... – Я покачал головой. – Нас становится слишком мало. Народ страны умирает, и Эллатейра вместе с ним.

– Какое тебе дело до войны с орками? Ты сражался много раз. Что изменилось теперь?

– Я не стану отправлять на гибель друзей ради амбициозных планов шеллэна.

– Наш хозяин, как и другие члены совета кираллэты, как и она, считает, что ты не веришь в нашу победу. – Убийца сокрушенно покачал головой. – А мы побеждаем всегда.

– О да. Но цена этих побед слишком высока. Леса пустеют, кровь вырождается. Мы не ценим прошлое, живем лишь настоящим и не думаем о будущем. Войны забирают лучших из нас. Самых честных, достойных, храбрых и надежных. А трусы прячутся за деревьями, отсиживаются в тылу и выживают. И я не стану тем, кто собственными руками убьет своих же товарищей по эскадрилье лишь для того, чтобы через несколько дней погибли сотни наших братьев. Войны

несут гибель. И победителей в них нет. Нас осталось слишком мало.

– А скоро будет еще меньше. Вас казнят, несмотря на благородную кровь.

Я со вздохом расстегнул верхнюю пуговицу на куртке, ощутив пальцами мимолетное тепло.

– Вы быстро меня нашли. – Я оценил расстояние до собеседника.

Не дотянусь.

– Не так уж и быстро. Вы поступили очень умно, лэд. Для дилетанта. Запутали следы, разбили нашу семерку. Но я ловлю таких, как вы, вот уже тридцать лет и находил гораздо более хитрых, чем вы.

Я опустил плечи – пусть думает, что я почти сдался. Глянул в коридор, откуда пришел.

– Ждете людей? – рассмеялся наемник. – Они вас не спасут. Вы поступили очень беспечно, лэд, доверившись этому племени. Капитан не случайно ушел, забрав команду. И это нам почти ничего не стоило.

Я нервно потерел вторую пуговицу на куртке, пальцы пронзило холодом.

– Мы можем договориться?

– Нет. Сожалею, лэд. Но смотрите на жизнь положительно. Совсем скоро вы вновь увидите леса нашей родины.

– Что же. Надо уметь проигрывать, – кивнул я.

...И прыгнул на него, с легкостью отбросив в сторону тяжелый стол. Но клинок того, кто стоял сзади, опередить не успел. Металл взвизгнул над ухом, во все стороны сыпанули ледяные искры – сработал блокирующий артефакт.

Я ударил того, с кем говорил только что, кулаком в лицо, схватил за запястье, не давая кинжалу коснуться меня. И тут же пропустил тычок в почки клинком, который оказался в свободной руке наемника.

Вновь во все стороны сыпанули искры – артефакт опять спас меня. Эльф вывернулся из хват, легко, точно вьюн, сделал обратное сальто и напал на меня вместе со своим товарищем.

Свеча погасла, все вокруг на несколько мгновений погрузилось во мрак. Я ударил вслепую «Взрывным дыханием», и огненная магия разворотила помещение, отбрасывая квесталлэ. В третий, и последний, раз меня спас защитный артефакт, разрядившийся вместе с «Дыханием». Теперь у меня остался лишь «Закрыватель», но толку от него в данной ситуации – не много.

В пламени, которое пожирало гамаки, стол и переборку, я увидел, что один из убийц лежит с неестественно вывернутой шеей. Зато другой уже был на ногах и двигался ко мне, оскалившись.

Вокруг него мерцал бледно-розовый свет – целая череда защитных артефактов.

– Сдавайтесь, лэд. Иначе я все равно верну вас в родные леса, но сделаю так, что в вас не будет хватать некоторых кусочков.

Наплевав на клинки, готовые вот-вот проткнуть меня, я бросился к укатившемуся в угол кубики с плененным демоном.

– Встретимся в Изнанке, убийца!

Мои пальцы сжали теплые грани, я успел посмотреть в расширенные глаза квесталлэ, когда что есть силы бухнул узилище демона об пол, ломая золотистую проволоку.

Горячий комок воздуха взлетел к потолку – демон вырвался на долгожданную свободу... а затем раздался взрыв.

Пришел в себя я глубоко под водой. Зарево, бушующее где-то справа и сверху, кровавыми бликами отражалось на поверхности и стало прекрасным ориентиром для того, чтобы понять, где верх, а где низ.

Я вынырнул среди плавающих досок, парусины, тряпья и еще Изнанка знает какого мусора, хватая ртом воздух. Стоило отпраздновать второй день рождения, так как вопреки всем законам мироздания я остался жив, хотя должен был быть разорван на тысячу клочков, словно подо мной взорвалась бочка с порохом.

Но, судя по ощущениям, отделался я легко. Взрывной волной меня отбросило довольно далеко от пирсов, на которых, надсаживая глотки, ревели латимеры, раздавались отдаленные крики «Пожар!», и на соседних судах поднимали тревогу. Демон моего стреколета, прежде чем исчезнуть, взорвал торговое судно изнутри, и теперь там бушевало пламя, пожирая надстройки на палубе.

Что же. Он выполнил свою роль, пускай и не так, как я рассчитывал. Теперь у меня нет ни корабля, ни стреколета. Но зато я жив, чего не скажешь о паре квезаллэ.

Я поплыл прочь, к дальнему пирсу. Когда мои руки вцепились в ржавые, покрытые склизкими водорослями скобы, за спиной оглушительно грохнуло, взревело, и уже демон корабля, до которого добрался огонь, вырвался на свободу. Эта сущность – горячий шар дрожащего воздуха, не имеющая ничего общего с теми чудовищами, какими обычно представляют тварей из другого мира, на мгновение вспыхнула изумрудным огнем, а затем с громким хлопком убралась в Изнанку, превратив посудину в бездушную гору искореженного металла и горящих досок.

Мокрый, точно гoblin, которого оборотни ради шутки сбросили в воду, я поспешил прочь от пирсов. Возле погруженных во мрак складов ярко горела цепь фонарей, и, как только я вышел на свет, рядом с моим виском в стену ударила голубая молния. Я отшатнулся, успев заметить, что это ледяная стрела, от острия которой по доскам расползается иней.

– Небо вас возьми!...

По дальнему концу пристани в мою сторону бежали два эльфа.

Порт становится опасным. Квезаллэ стекаются в него, точно крысы, почуявшие зерно.

Я бросился наутек, на бегу сбив целую ораву хаффлингов, торопящихся на пожар. Невысокие ушастые ребята, с ногами, покрытыми шерстью, в рубашках и жилетках, попадали, роняя ведра и страшно ругаясь. Право, извиняться не было времени, замораживающие заклинания меня сейчас беспокоили куда сильнее. Второй выстрел прошел у меня над плечом, растворившись в ночи.

Я, петляя, покинул порт и едва не врезался в отряд стражников.

– Там пожар! – крикнул я им. – Кто-то сжигает корабли! У них волшебные стрелы!

Возможно, они бы мне не поверили, но очередная вылетевшая из мрака молния вонзилась в одного из стражников, превратив того в ледяную статую.

– К оружию! – проорал командир, и отряд, подбадривая себя ревом, бросился в бой.

Я тоже побежал, правда, в совершенно противоположную сторону, надеясь, что уж теперь-то преследователям станет не до меня.

Целый час я путал следы, двигаясь к центру города, затем зашел в ближайший парк и перевел дух, присев под ближайшее дерево. Возвращение к стреколету потеряло всякий смысл – у меня больше нет демона, который поднял бы «Серебряный источник» в воздух. Квезаллэ осталось пятеро, и можно попробовать прикинуть, что они делают сейчас. Им надо контролировать те места, куда я могу вернуться. Значит, хотя бы один из них ждет меня рядом с моей пташкой. Другой все еще сторожит корабль, на который я купил билет, и будет там как минимум два часа, до взлета судна, на тот случай если я все же решусь улететь к Пурпурным скалам. И еще один должен охранять «Серебряные источники», на которых они прилетели, если вдруг я наберусь наглости и украду один из стреколетов.

Итого в свободном поиске сейчас двое. Те, что на пирсах. Их погнала стража. Разумеется, слуги шеллэна не станут ввязываться в драку, отступят и

продолжат охоту в близлежащих районах. Вероятность, что я наткнулся на них случайно, невелика, но есть риск, что они умело найдут свидетелей моего бегства и тогда без труда смогут восстановить мой маршрут.

Когда я садился, то видел в старой части порта, за складами, несколько маленьких судов. Возможно, это последний мой оставшийся шанс – быстро улететь на том, что подвернется.

Значит, решено. Я возвращаюсь.

Обратно к океану я шел через западный район города. Чистый, респектабельный, погруженный в тихий сон, который охраняли патрули стражи. Охранники провожали меня взглядами, но ни о чем не спрашивали.

На здешних улицах росло много кленов. Я прошел вдоль целой аллеи, и деревья тихо шептали мне на слабом ветру, чтобы я торопился.

Выйдя к большому фонтану, украшенному вставшей на дыбы лошадью, я на мгновение прикрыл глаза, пытаюсь освежить в памяти картину, которую видел с воздуха. Мне сюда, в темный проулок, а потом вдоль старой полуразрушенной крепостной стены, к которой неимущие жители пристраивали свои неряшливые домишки.

Стража здесь уже не встречалась, зато было полно крысолюдов и другого отребья. Какие-то странные твари, гладкокожие и тощие, таких я видел впервые, суетливо верещали, отнимая друг у друга еду. Между ними то и дело вспыхивали ссоры, заканчивающиеся драками. Двое людей сосредоточенно обчищали карманы пьяницы, валявшегося в сточной канаве. Меня они проводили долгими взглядами, но решили не испытывать удачу.

Из тьмы извилистого переулка раздался приглушенный вскрик, а затем низкий вой, от которого свело зубы. Я остановился, удивленно хмурясь, и через несколько секунд из мрака выбежала невысокая девушка, пересекла залитую лунным светом улицу и нырнула в подворотню. Спустя пару мгновений в том же направлении промчался мужчина в черном плаще.

Ввязываться в очередные неприятности было глупо, но я узнал девчонку. Это была крошка, которая путешествовала со сварливым гномом. Ей явно

требовалась помощь, и я недолго раздумывал, прежде чем последовал за странной парой.

Нагнал я их в узком, словно могила, огороженном высокими безучастными домами тупичке. Девчонка прижалась к стене, согнувшись от боли, а напротив нее стоял неизвестный.

– Ненавижу воров, – сказал он ей.

– Эй! – окликнул я его.

– Осторожно! – крикнула мне летунья.

Незнакомец резко обернулся, вскидывая руку, в которой тускло блеснул короткий жезл, и я инстинктивно отпрыгнул в сторону. Эта штука взвыла и выплюнула целый рой какой-то черной гадости, ударившей по тому месту, где я только что стоял. Я не стал ждать, когда он выстрелит снова, врезался в бандита, повалил на землю и с силой рванул из чешуйчатых лап оружие.

Тот заверещал, оскалив зубастую пасть, потянулся ко мне и получил жезлом в лоб. Двух ударов хватило для того, чтобы он перестал шевелиться.

Я кинулся к девушке, сползшей по стене. То, что дело плохо, я понял сразу – резкий металлический запах человеческой крови ни с чем не спутаешь. Ее летный комбинезон на животе, груди, плечах был разорван.

– Я постараюсь помочь. Найду лекаря.

– Поздно, – возразила мне она. – Я уже мертва. Флихала они тоже убили. Послушай... возьми это.

Она положила в мою ладонь что-то холодное.

– Сохрани его. Мы не смогли спрятать, может... у тебя получится. Увези... подальше отсюда... И передай...

Получить объяснения я не успел – летунья больше не дышала. Я закрыл ее глаза и посмотрел на то, что она дала мне. С-образная безделушка на тонкой цепочке, судя по всему, была сделана из бронзы. По внутреннему краю тянулись мелкие черные камушки, тусклые и некрасивые.

Никакой магии я не чувствовал, медальон стоил медяк... и убить ради него мог только сумасшедший. Самым разумным вариантом было бы оставить эту штуку здесь. Но вместо этого я набросил цепочку на шею и убрал побрякушку за ворот.

Только теперь я разглядел жезл, который едва меня не прикончил. Странные символы были не чем иным, как знаками темных колдунов Маргуда.

Просто великолепно! Я привлек к себе внимание тех, кого никогда не стоит задирать! Это гораздо неприятнее квезаллэ, шеллэна, кираллэты и трех стервятников на хвосте в воздушном бою!

Я бросил жезл и поспешил прочь.

Вокруг были объятые тишиной темные переулки, очень мрачные, но совершенно пустынные. Однако благодаря своему слуху я различил тихое гудение, успел нырнуть в укромную нишу, и мимо меня проплыл маленький сиреневый шарик, шелестя шестеренками и взмахивая миниатюрными крылышками.

Эта штука явно искала меня, так что я выждал время, чтобы она улетела, выбрался из укрытия – и тут улица закружилась перед моими глазами, тьма сгустилась, а когда морок исчез, в подбородок мне упирался холодный ребристый металлический жезл. Мне оставалось только не дергаться.

– Руки! Покажи руки!

Я коснулся последней пуговицы на куртке и неохотно развел руки в стороны, чтобы колдун увидел, что оружия у меня нет.

– Зачем же так нервничать? – участливо спросил я у него. – Мы можем все решить, как цивилизованные... не люди.

– Где то, что она тебе отдала? – прошипел маргудец.

Чешуйчатая морда ящерицы со злыми желтыми глазами приблизилась к моему лицу, ярко-красный воротник-жабо угрожающе раздулся. В горле колдуна klokотало, и было видно, что он едва удерживается от того, чтобы меня не прикончить.

– Клянусь дыханием склепа, если ты не скажешь мне...

В этот момент сработал последний из имеющихся у меня артефактов – «Закрыватель», и я получил целых десять секунд преимущества, прежде чем он разрядился.

Весь мир словно окунулся в патоку. Я сбил руку маргудца, ударил его в горло ребром ладони. Глаза человека-ящера округлялись медленно, и еще медленнее он начал заваливаться назад, но на этом я не остановился. Удар кулаком прямо по чешуйчатому черепу, серия ударов в грудь, боковой в челюсть, зайти сзади, ногой под колено и теперь туда, где у всех существ обычно находятся почки.

Для моего противника я был сейчас точно размытое пятно, осыпавшее его ударами со всех сторон... Но в этот момент время вновь ускорило, стало обычным, и колдун с удивленным воплем рухнул на землю. Человека или эльфа моя атака без сомнения бы остановила, однако этот парень был лишь ошеломлен, возможно, дезориентирован, но никак не побежден.

Он не расстался с жезлом, и тот вновь оказался направлен на меня.

Но тут что-то пушистое, нежно-персикового цвета с боевым воем бросилось в глаза моему противнику. Маргудец заорал от боли и выронил оружие.

Зверь, которого я вечером освободил из ящика, когтями полосовал воющему колдуну чешуйчатую морду. Я выхватил кинжал из ножен, висевших на поясе противника, и воткнул ему в грудь. Шесть дюймов хорошей стали прикончили колдуна теперь уже наверняка. А я бесцеремонно схватил моего спасителя за шкуру и поспешил прочь.

Лохматый любитель ботинок и табака какое-то время вел себя тихо, затем несколько раз кашлянул и, когда я не обратил на это внимание, стал брыкаться. Я разжал пальцы, он ловко плюхнулся на три лапы и побежал следом за мной.

– Вон он!!! – крикнули из темноты, я метнулся в проулок одновременно с воем двух жезлов – и темный рой разбил кирпичи ближайшей стены, раскидав вокруг мелкое каменное крошево.

Я ловко перемахнул через высоченный забор, Трехлапый, как я про себя называл зверька, не отставал. Он был не менее проворен, чем я. За преградой грязно ругались преследователи, но мы не стали ждать, когда они перелезут на нашу сторону...

В старую часть гавани я добрался, когда уже светало, ветер сменился, а океан громко рокотал на линии рифов, создавая ослепительно-белую полосу далеких беснующихся волн.

Среди завалов из пустых бочек и ящиков, больших плетеных корзин и мотков старой парусины деловито сустились крысы и их более крупные родственники – лохматые крысюки. Трехлапый гортанно порывивал на последних, но в драку лезть не стал.

– Ты следил за мной? – спросил я у него.

Тот, разумеется, не ответил.

– Мне надо уехать из города, так что, если тебе здесь нравится, нам придется расстаться.

Опять никакой реакции не последовало – он был занят тем, что жевал кем-то брошенный яблочный огрызок.

Возле ближайшего пирса стоял небольшой одинокий ботик. Его длина была всего-то шагов сорок. Невысоко поднимающийся над пристанью, обшитый тонким металлом деревянный продолговатый корпус с тупым носом и торчащим над ним коротким бушпритом. Открытая часть палубы окружена фальшбортом – перилами, защищающими экипаж от падения за борт во время полета. Воздушное колесо отсутствовало – как я уже говорил, кораблик был слишком маленький и ему не хватало мощности демона для таких серьезных конструкций.

Возле кормы, там, где находился штурвал, над палубой возвышалась небольшая надстройка. Ни наблюдательных мачт, ни орудийных башен, ни посадочных платформ.

На кораблик тащил несколько мешков могучий мускулистый гроль в короткой безрукавке и штанах, закатанных до колен. У него было удивительно приятное лицо, несмотря на сильную примесь троллей крови, уродливый нос и большой рот. Глаза у полукровки оказались веселые и совсем не глупые для такого мордоворота.

Я прочитал название судна – «Бобовое зернышко». Затем перевел взгляд на сходни, возле которых стояла женщина, отмечая в судовой книге поднимаемые грузы. Высокая, смуглокожая, в мужской одежде – флотском сюртуке, белой рубашке, штанах-шароварах и шляпе-треуголке на седых, собранных в короткую косичку волосах, перевитых черной лентой.

Рядом с ней, забравшись с ногами на фальшборт, сидел горбатый карлик. Одной рукой он подсвечивал ей фонарем книгу, в другой держал чернильницу.

– Эй, на борту! – окликнул я их. – Можно поговорить с капитаном?

– Слушаю тебя. – Голос у нее был громкий, сильный.

– Возьмете на борт пассажира?

Я удостоился еще более внимательного изучения, в том числе и карликом с гроллем, который перестал грузить мешки.

– Куда тебе надо? – неприветливо поинтересовался горбатый парень с фонарем.

– Как можно дальше.

– Ну, тогда ты точно пришел по адресу. От кого хочешь убежать, молодой человек? – Капитан глянула в журнал, выводя пером какую-то закорючку.

– От нехороших людей.

– Все бегут только от нехороших, – усмехнувшись, проскрежетал карлик.

– Пассажиры нам не нужны, – сказала женщина, вновь обратив свое внимание на меня и разглядывая кольцо на моей руке. – А вот летуны – да. Мой второй рулевой подцепил лихорадку на островах и пропускает рейс, а я уже немолода, чтобы отстаивать за штурвалом все вахты. Пойдешь сменщиком?

– Пойду.

Я готов был драить полы, если надо, не то что крутить штурвал дырявой посуды.

– Ты тяжелыми судами-то управлял али только на стреколетах жизнь прожигал? – ехидно спросил карлик.

– Управлял.

– Значит, решено. – Женщина захлопнула книгу. – Можешь подниматься на борт. Эта зверушка твоя? Крыс ловит?

– Еще как, – сказал я, посмотрел на Трехлапого, и тот проворно забрался мне на плечо, вцепившись когтями в куртку, на тот случай если я вздумаю его оставить в Прибрежном.

– Ему тоже будут рады. Вещи есть?

– Путешествую налегке.

Я поднялся по сходням, оказался рядом с капитаном, отметив про себя, что мы одинакового роста, и представился:

– Меня зовут Лас.

– Слишком коротко для эльфа, у которого столь чистый акцент, впрочем, мне все равно, какое у тебя имя. Я Джулия, а это мой первый помощник Глауфорхефнихшниц, – представила она карлика.

– И мое имя произносится без всяких сокращений! – грозно предупредил меня Глауфор-как-его-там– с-первого-раза– не-запомнишь– и-не-выговоришь.

– Учту.

– Мы летим на Черепаший остров. Знаешь, где это?

– Нет.

– В этой части мира три материка – Западный, Восточный и Южный. Так вот это – за Южным континентом. Черепаший находится в Павлиньей островной гряде, которая входит в Союз, – пояснила капитан.

– Достаточно далеко. В самый раз для меня.

– Руи, убирай сходни. Глауфорхехфнихшниц, отходим через две минуты.

– Да, капитан, – хором ответили гролль и карлик.

Она поманила меня за собой, открыла дверь в надстройку, ловко спустилась на нижнюю палубу, где в закутке стояла привинченная к полу кровать:

– Выглядишь ты неважно, эльф, так что отоспись прежде, чем я посмотрю, на что ты годишься.

Долго заставлять меня не пришлось. Я стащил с себя все еще влажную после купания одежду, бросил на пол и закутался в одеяло в тот момент, когда мы взлетели. И заснул прежде, чем мы успели встать на курс. Трехлапый устроился рядом, едва слышно урча.

Глава четвертая,

в которой я лечу в далекие земли

Мы покинули Западный континент.

Я исполнял должность рулевого вот уже несколько недель и с каждым днем все сильнее удалялся от родных лесов, квезаллэ и кираллэты.

Первые дни наш корабль шел по оживленному торговому фарватеру над океаном. Затем миновал огромный гористый материк, который у моего народа назывался Крайним, а у людей – Южным. Пару раз мы садились в портах, чтобы пополнить запасы, и продолжали свой полет.

За материком начался океан, но он был совсем иным, чем тот, который я видел раньше. Бескрайний, теплый, с бирюзовой водой и целой россыпью больших и малых островов... Черепаший действительно располагался где-то на другом конце света, в мире бесконечной жары, вечного солнца и лихих летунов, большинство из которых совсем не дружны с законом. За время путешествия я достаточно наслушался рассказов Руи, чтобы составить свое мнение о том, куда мы направляемся.

Управлять ботиком оказалось гораздо проще, чем стреколетом, хотя двигался он намного медленнее, ниже и казался огромным неповоротливым утюгом. Но я был рад вновь оказаться в небе, повелевать спрятанным в трюме демоном и с удовольствием снял с Джулии часть ее обязанностей, забрав себе лишнюю вахту, за что она была мне благодарна.

Вот и сейчас я стоял на открытой площадке мостика управления. Магический шар на панели передо мной мигал, показывая, что надо менять курс, и я медленно крутил штурвал.

Кроме капитана, Глауфора, Руи, меня и Трехлапого на «Бобовом зернышке» был еще лишь один член команды – пожилой кок Мигуэль, способный приготовить из любой дряни вполне съедобную пищу. Он почти все время пропадал на камбузе и редко выбирался наверх. Но сегодня поднялся и теперь сидел на перевернутом ведре, смотрел на горизонт чистейшего голубого неба и хрустел яблоком, которое достал из кармана своего белого поварского фартука. Почуяв яблочный запах, Трехлапый тут же перестал нежиться на солнышке и требовательно хрюкнул. Кок усмехнулся, вытащил нож, отрезал дольку, кинул ему. Зверек подпрыгнул, поймал подачку пастью и зачавкал, донельзя довольный жизнью и путешествием.

– Обленился он что-то, – сказал мне человек. – Лишь спит да опустошает запасы из кладовой.

– А чем ему еще заняться? – протянул Руи, который тоже загорал сегодня на палубе, растянувшись прямо на досках в одной набедренной повязке. – Всех крыс он переловил в первые пять дней, сожрал две пары башмаков Глофи и половину моих запасов карамелек. Самое время ничего не делать. Впрочем, у помощника капитана есть еще одни башмаки – и изгрызть их давно пора.

– Я все слышу! – гаркнул карлик с бака. – Или воспитайте эту тварь, или я пинком отправлю ее с судна в свободный полет!

– Совершенно бессмысленные угрозы, – улыбнулся я. – Джулии он нравится, а ты ее знаешь. Обидишь зверушку, и она тебя вышлет следом за ним.

– Это все потому, что ты перевернул его миску с едой, – добавил Руи.

– Да ладно! Я просто хотел пошутить!

– Ну вот и он теперь шутит.

Горбун зло скривился и погрозил Трехлапому кулаком. А тот, находясь на высокой надстройке юта в недосыгаемости карлика, лишь раздулся еще сильнее и снова повернулся пузом к раскаленному солнцу.

Оказавшись на борту, Трехлапый тут же принялся отрабатывать свой билет. На следующее утро после начала полета он основательно потрудился и притащил Джулии шесть толстых, лоснящихся крыс. Выложил трупки рядом, чтобы все окружающие оценили его подвиг, и радостно фыркал, когда капитан брала каждую добытую тварь за голый розовый хвост и отправляла за борт.

В следующие дни это стало доброй традицией, и к земле и океану полетело в общей сложности двадцать четыре крысы, а затем они попросту кончились.

Теперь он пасся на камбузе, присутствовал на завтраках, обедах и ужинах команды, где всегда получал свою порцию снеди, нежился на солнышке, обходил с инспекцией трюм, проверяя, не зародились ли из воздуха новые

крысы, или же крутился у меня под ногами.

С ним мы поладили достаточно быстро, и в свободное от забот (охота на башмаки Глауфора, еда, сон, инспекция трюма и охота на башмаки) время он любил забраться ко мне на плечо и слушать, как я пою. Пел я в основном на эльфийском, даже не пел, а так... мурлыкал, но это неизменно вызывало его восторг, и Трехлапый начинал негромко кудахтать, раздуваясь при этом, словно жаба на ороческом болоте.

– Оставь штурвал в покое, Лас. Отдохни, – сказал мне Руи.

– Да я и не устал, – возразил я. – Работы кот наплакал, и, в отличие от кабины стреколета, здесь можно сколько угодно ходить.

Кок на мои слова улыбнулся:

– Смотри, из-за твоего трудолюбия Джулия решит нанять тебя на постоянной основе.

– И найму, – сказала капитан, выходя на палубу. – Глауфорхефнихшниц! Ты рассчитал маршрут на завтрашний день?

– Все уже на каббалистической доске, капитан, – кисло ответил карлик, изучая свой лимонно-желтый колпак, точно внутри того притаились два десятка Трехлапых.

Женщина сняла треуголку, быстро сверила расчеты, довольно кивнула, перенося изменения в магический шар. Я, согласно этим данным, повернул на две четверти румба вправо.

– Бери на триста ярдов выше, – сказала мне она.

– Да, капитан.

Я потянул рукоятку магического жезла на себя, демон заревел, и ботик, чуть-чуть приподняв нос, начал неохотно набирать высоту.

– Ленивый парень. Давно выдернут из Изнанки?

– Давно, – сказала она. – Он слабенький, словно у какого-то каботажного судна из тех, что ходят вдоль берега, но серьезные твари на крупные корабли стоят хороших денег. Гномы, чтобы у них бороды повылазили, вновь взвинтили цены, приходится пользоваться старьем. Было бы здорово, если бы появился альтернативный продавец, который обрушил недомеркам цены.

Я ничего не сказал в ответ. Люди не знают о гномах того, что знаем мы, эльфы. И по причине чего когда-то между моим народом и подгорным племенем произошла самая жестокая война.

Добыть демона из Изнанки очень непросто. А точнее – смертельно опасно даже для опытного демонолога. Поэтому в былые годы в небе летали лишь избранные. Все изменилось после того, как гномы изобрели один прибор – и, испробовав его в действии, они убедились, что эта штука с легкостью выдергивает демонов из Изнанки.

Так открылась для их племени золотая жила, которой гномы пользовались целых триста лет, оставив далеко позади все остальные народы, обогатившись, наводнив рынок своим товаром и заполнив небо летающими кораблями и стреколетами.

И лишь через три столетия разведчикам эльфов удалось раскрыть, какова цена прогресса, сделавшего семимильный шаг вперед. У них получилось проникнуть на тайный завод гномов и вернуться назад вместе со спасенными из застенков соплеменниками, приговоренными к смерти, которые рассказали, что для работы артефакта каждый раз требовалась кровавая жертва. Изнанка отдавала демона только в момент совершения жестокого ритуала.

Так Великий король, мой далекий предок, узнал, чем пришлось заплатить нашему миру, чтобы мы научились летать.

С тех пор прошла тысяча лет, и мне сложно вообразить, сколько представителей разных рас, плененных гномами в военных стычках или просто похищенных со своих земель, должны были сложить свою голову на алтаре гномьего племени для того, чтобы другие оторвались от земли.

Для того, чтобы я сам мог летать.

Мне кажется чудовищным это даже сейчас, когда я не мыслю своей жизни без неба. Представляю, в какое негодование пришли мои предки.

Между Вестхаймом и Эллатейрой началась война – самая страшная в истории. В которой все, кто не знал истинной причины конфликта, называли эльфов агрессорами и живодерами.

В ту пору погибло много великих воинов из моего народа. Легендарные герои выложили дорогу до недр Вестхайма своими телами, но поставили гномов на колени, разрушив их королевство. Однако, когда недомерки подписывали акт капитуляции, мой далекий предок передумал. И не стал уничтожать артефакт.

Я не знаю, почему он это сделал. Кто уговорил его и как. Возможно, он понял, насколько сильно изменился мир благодаря гномам, возможно, видел, что уже ничего нельзя вернуть обратно. Тысячи тех, кто находился в небе, даже не подозревали о том, какая цена была заплачена за это.

И он не смог отобрать у них небо.

В итоге артефакт остался у гномов. Фрегаты и шхуны продолжили парить в облаках. О том, откуда у недомерков взялись демоны, не узнал ни один народ.

Ни звезднорожденные, имеющие доступ к этой информации, ни гномы, находящиеся достаточно высоко на вершине власти, никогда не рассказывали другим расам о причинах той страшной войны. Чтобы ни у кого не возникло соблазна получить артефакт. Или создать подобный ему.

Конечно, можно подумать, что мы зря сражались, раз все осталось как прежде, но на самом деле многое изменилось. Гномы больше не отправляют на заклятие людей, эльфов и хаффлингов. То поражение многому их научило. Теперь, чтобы добыть демона, они убивают лишь своих преступников. А тех гораздо меньше, чем нужно для того, чтобы цены на демонов не росли.

Поэтому когда Джулия желает, чтобы появился еще кто-то, кто может выдергивать демонов из Изнанки с такой же скоростью и сноровкой, как и

гномы, – я надеюсь, что этого не случится. И секрет их никогда никто не узнает.

Джулия села рядом со мной, обмахивая себя треуголкой, достала из кармана сюртука морскую трубку и начала набивать ее табаком, пахнувшим корицей и карри.

– В этих широтах всегда такая жара. Но ничего, уже завтра будем на месте.

Я глотнул из фляжки теплой воды:

– Интересно посмотреть на новые земли.

– Нет там ничего интересного, уж поверь мне. Сан-Винсенте, пара городов поменьше, десяток деревушек, горы да непролазные джунгли. Половина населения – ловцы удачи, и, если бы не жесткий свод законов, губернатор-живодер, Патруль да стража, от них не было бы покоя даже на земле.

– Не любишь эти места?

Она задумалась на мгновение, затем произнесла:

– Руи как-то хорошо сказал: Черепаший остров или ненавидишь, или влюбляешься в его свободу на всю жизнь.

– Так чем плоха свобода? – удивился я.

– Теми опасностями, что она сулит, Лас. Дикие места, где в небе разбойников больше, чем патрульных, и твоя жизнь ничего не стоит. Как ни старается губернатор – совладать с пиратами очень непросто.

– Он – главный на острове?

– Он главный на всей Павлиньей гряде. И Черепаший остров – его резиденция.

– И армия на нем есть? – любопытствовал я.

– Регулярные части находятся на крупных островах, где города нуждаются в защите от рейдов пиратов. На Павлиньей гряде несколько военных эскадр, которыми командуют адмиралы. Их назначает губернатор. Но кроме армии существует еще и Патруль. – Джулия выпустила в небо пару ароматных колечек, которые тут же оказались за кормой. – Его основная функция – сопровождение кораблей с ценными грузами и охота на разбойников. Патруль берет к себе самых отчаянных и опытных летунов.

– Ты о страже и таможенниках забыла, – напомнил капитану Руи.

– Ну со стражей все понятно. Силы правопорядка ловят бузотеров на земле, отправляют их в тюрьму. А таможня – они как везде. Проверяют грузы, берут налоги и выискивают контрабандистов.

– И находят?

– Иногда, Лас. На остров запрещен ввоз некоторых товаров, но самое главное – на Черепашьем жесткий контроль магических предметов. Существует так называемый Запрещенный список. Он длинный, но в первую очередь в нем указаны артефакты, обладающие темной магией, способные навести проклятие, убить, вызвать потустороннюю тварь. Черное колдовство в Союзе под запретом. Кроме них в списке есть как защитные, так и атакующие артефакты. Правительство считает, что многие из них опасно давать в руки гражданам, большинство из которых – отъявленные пройдохи. Или друг друга поубивают, или уважаемых жителей, или решат, не дай Небо, что им нужен новый губернатор...

– Понимаю, – сказал я.

– Поэтому боевые артефакты имеют право носить при себе только госслужащие и военные.

– И, естественно, спрос на такой товар на черном рынке бешеный, – добавил Руи.

Я повернул штурвал, корректируя курс.

– Разумеется, – согласилась Джулия. – Поэтому контрабанда процветает. Контрабандисты ввозят товар, таможенники их ловят, особенно если им не платят. Кого-то для показательного примера вешают.

– Интересное место.

– Это точно. Благодаря нашим рейсам мы видим много интересных мест, Лас. Если тебе нравится путешествовать, я готова оставить тебя на корабле вместе с Трехлапым. Хороший рулевой мне не мешает. Что скажешь?

– Спасибо за предложение. Я подумаю, – дипломатично ответил я.

Мне не хотелось отказывать ей сразу. Летать на ботике по спокойному фарватеру, когда за штурвалом вполне можно заснуть, – не для меня. Большую часть своей жизни я провел в войнах, привык к скоростям и полной свободе полета, не ограниченной высотой, неуклюжестью и полудохлым демоном в трюме.

– Подумай, – кивнула она. – А пока освободи штурвал. Моя вахта. Можешь отдохнуть.

Я передал ей управление, уселся у фальшборта, свесив ноги в бездну, на дне которой медленно проплывал вечерний океан, и достал из-за пазухи бронзовую безделицу, переданную мне погибшей девушкой.

Она просила увезти это, и я выполнил просьбу, но вот кому предназначался медальон, мне так и не известно. Я понимал, что теперь никогда этого не узнаю и вещь, за которой охотились маргудцы и из-за которой погибли гном и летунья, оказалась в руках того, кому она нужна меньше всего.

То есть у меня.

– Думаешь принять предложение Джулии? – Здоровенный гролль осторожно сел рядом со мной.

– Делаете с коком ставки?

– Не-а, глупо терять деньги. С тобой все ясно – ты летун, который влюблен в стреколеты. У тебя же на лице написано, что ты терпеть не можешь ползать в кильватере. Капитан не расстроится твоему отказу, ты не думай. Просто всегда хочется взять в экипаж опытного че... эльфа. – Он расплылся в улыбке. – Наши грузы требуют сохранности.

– Давно с ней ходишь?

– Шесть лет уже. С тех пор как ушел с военного фрегата. Был там мастером квартердека. Командиром абордажных бригад.

– Ого! – удивился я.

– Ты ведь тоже небось не гражданские стреколеты водил, – хитро подмигнул гролль. – Я боевых летунов за милю узнаю.

– Я так и не спросил за все это время. Какой товар переправляет через океан «Бобовое зернышко»? – Я перевел разговор на другую тему.

– Скупаем с плантаций урожай морского кокоса и продаем втридорога на Западном материке.

– Морской кокос?

– Ну да. Это орех раз в восемь больше обычного. Вот такой. – Он развел руки. – Прилетим – увидишь. Их там полно. Орехи на материках в диковинку. Как говорит Глофи – экзотика. Глофи! Скажи по-умному, зачем там кокосы!

– Морской кокос является главной составляющей для одного ликера, который очень ценится в южных человеческих странах, да и кобольды не прочь залить его себе в глотку, – откликнулся карлик. – Так что это прибыльное дело.

– Ну у нас есть и более прибыльные делишки, – усмехнулся Руи, и первый помощник тут же окрысился:

– Заткнулся бы ты!

Руи лишь пожал плечами, а вот Трехлапый, наоборот, вскочил и клацнул зубами перед обнаженными ступнями Глауфора. Тот ругнулся, попытался пнуть зверушку, но та уже отскочила подальше, грозно рыча и подняв на загривке пушистую шерсть.

– Хватит! Вы оба! – крикнула Джулия, успокаивая их.

– Какой-то он нервный, – задумчиво сказал я, глядя вниз.

Руи хмыкнул:

– Глофи на самом деле безобиден, хотя характер у него несносный. Зато лучшего штурмана, чем он, не сыскать. С каббалистической доской проделывает такие фокусы, что может из нашего демона веревки вить, а иногда это идет на пользу всей команде, особенно в критических ситуациях.

Для гролля Руи имел очень чистую речь, способность говорить длинными предложениями и логически рассуждать.

– И часто такие ситуации возникают?

– Слава Небу, нет, но поблизости от Черепашьего приходится держать ушки на макушке. – Он добродушно улыбнулся, покосившись на мои уши. – Патруль не вездесущ, а в этих небесах полно пиратов и другой шушеры. Все фарватеры охранять невозможно. Поэтому лучше идти с караванами. У них есть сопровождение – или боевые стреколеты, или даже военные корабли, если груз ценный.

На этом разговор о разбойниках был завершен. Однако мне пришлось вспомнить о нем уже на следующий вечер...

Карлик суетился на юте, затем сбегал вниз, вернулся с подзорной трубой, которая сверкала медью, и уставился куда-то за горизонт. Смотрел долго-долго, потом протер окуляр, вновь стал изучать небо.

– Что там? – Руи отвлекся от заточки сабли.

– Корабль за кормой! – гаркнул Глауфор каким-то странным, новым, слишком высоким голосом. – Точно! Корабль! Зови Джулию!

Гролле выругался и сломя голову бросился к люку, который вел в трюм. Я подошел к штурману:

– Проблемы?

– Пока неясно. Он очень далеко.

– Что видно, Глауфорхехфнихшниц? – На палубе появилась капитан.

– Шлюп! Без опознавательных знаков, шкипер! Идут прямо за нами и нагоняют!

Маленькая черная точка на небосклоне была едва различима для глаз.

– Лас, вставай за штурвал. Держись прежнего курса.

– Хорошо, капитан.

– Мигуэль, смени Глауфорхехфнихшница. А ты садись за каббалистическую доску и выжми из демона все, что сможешь. Попробуем оторваться.

– Не получится, – сказал он. – Если они захотят, то нагонят, даже если пойдем на пределе.

– Делай свое дело! – рявкнула она.

Из трюма, сгибаясь под тяжестью каменных плит, появился Руи. Он вывалил их на доски палубы и стал складывать какую-то фигуру. Я видел, что на камнях начертаны руны, следовательно, это что-то из арсенала защитной магии.

Пальцы карлика мелькали над каббалистической доской – квадратной деревянной плашкой размером с планшет летуна, в котором держат карты. Она была инкрустирована рубинами – драгоценными камнями, которые могли контролировать структуру демона, и слоновой костью – материалом,

изолирующим помехи и улучшающим расчеты. На правом краю виднелась короткая медная ручка, касающаяся бронзовых шестеренок, скрывавшихся где-то внутри плоской доски. Внешнюю поверхность штурманского инструмента занимало черное зеркало, на котором всплывали и загорались непонятные знаки.

Глауфор пальцами рисовал на зеркале узоры, иногда подкручивая рукоятку, и, когда рисунки сливались в символы, в глубине зеркала мерцало полярное сияние и раздавались тихие, замогильные стоны. Судя по тому, с какой скоростью горбун оперировал со сложными значениями Изнанки, он был мастером счета высочайшего класса.

Пока я держал штурвал, Джулия расчехлила легкую «молнию», стоявшую на шарнирном станке у правого борта. Бронзовая, гладко отполированная тупорылая установка, которая создавала электрические разряды ничуть не хуже, чем грозовое небо. Она была хороша против стреколетов, но против крупных целей малоэффективна. А шлюп – это крупная цель, и для него требуются пушки, желательно сорокафунтовые, а такие, к сожалению, нельзя разместить на маленьком торговом судне.

Вторая «молния» находилась у левого борта, а легкий двуствольный пчеломет с отполированными рукоятками и большим круглым прицелом располагался на юте. Мигуэль неспешно, без суеты, присоединял к пчеломету ячеистый улей, внутри которого сердито гудели огнепчелы.

Демон в трюме глухо и недовольно взревел, палуба под ногами вздрогнула, и ботик резво рванул вперед, увеличив свою скорость вдвое.

– Отлично! – крикнула Джулия карлику.

– Это ненадолго! Иначе рискуем выжечь Печати!

– Через сколько они нас нагонят?

– Через полтора, при удаче два часа. – Глауфор сверился с расчетами на доске и кивнул сам себе. – А до темноты еще целых три. Мы не успеем оторваться.

– Возможно, нам повезет, – сказал я, поворачивая штурвал. – К вечеру над океаном появляются облака, постараемся укрыться в них.

Он сосредоточенно кивнул и уткнулся носом в доску, проверяя и стабилизируя цепи.

– Готово! – гаркнул Руи, поднимая мускулистую руку.

Он вложил все каменные таблички, покрытые мелкими трещинками, в деревянные пазы на палубе, и по ним побежали серебряные всполохи, которые по тонким медным трубкам струились к массивным катушкам конденсаторов, закрепленных вдоль борта. Те начали светиться, потрескивать и через минуту выплеснули энергию, включая магический щит. Трехлапый забрался на ют и грозно таявкал на приближающегося врага.

– Зачем мы им? – спросил я у гролля. – У нас же нет ничего ценного в трюмах.

– Всегда можно найти чем поживиться.

– Что ты делаешь, Лас? – нахмурилась Джулия, заметив снижение.

– Опустись до пятисот ярдов, капитан. Изнанка будет ближе, это добавит демону резвости, к тому же мы гораздо легче преследователя, а значит, более проворны на таких высотах. Если он загружен, то его неповоротливость сыграет нам на руку.

Следующий час мы неслись вперед с воем и ветром, а палуба под ногами плясала, когда плененный демон получал встряску от карлика. Солнце уходило за океан, избавляя нас от одуряющей жары, но двигалось оно слишком медленно.

Шлюп продолжал нагонять нас, и недалеко была та минута, когда он выйдет на дистанцию стрельбы дальнобойными орудиями.

Руи заряжал мушкеты, готовясь к abordажу, и поглядывал на солнце, неспешно уползающее за океан. Тропическая ночь – отличный шанс, чтобы затеряться в небе, и об этом знали не только мы, но и преследователи.

Все сохраняли спокойствие. Не было ни суеты, ни паники. Экипаж ходил в этом небе не первый раз и давно привык к его опасностям. Джулия сходила на камбуз, принесла всем кофе в большом кофейнике. Карлик с благодарностью принял напиток, не отрывая взгляда от доски, которая едва не дымилась от его вычислений.

– Сможешь вывести мне на шар векторы возможных атак? – спросил я у него.

– Если только из расчета стандартного тоннажа и вооружения шлюпа. Что они там на самом деле нагородили, я не знаю.

– Сделай, если тебе не сложно. Это может помочь.

К этому времени шлюп, шедший ярдов на сорок выше, приблизился настолько, что стали видны детали корпуса и хищный бушприт. Корабль был раз в десять больше нашего – настоящее чудовище, похожее на летящего бронированного бегемота в блестящих пупырышках – заклепках, которые прошили металлические пластины. По бокам его бортов крутились воздушные колеса.

– Сообщение! – крикнул Мигуэль, следя за незнакомцами в трубу. – Требуют, чтобы мы спустили флаг, легли в дрейф и приняли гостей.

– Пошли их куда подальше! – приказала Джулия.

– С радостью, капитан!

Он выпустил из ящика сигнальные огоньки и сложил из них обидную фразу. Нос шлюпа тут же окутался дымом, и ядро со свистом пронеслось над нашей палубой, едва не зацепив верхушку надстройки.

– По крайней мере, читать они умеют, – пробормотал я. – Мигуэль, следи за канонарами! Если опустят пушку ниже, скажи.

– Хорошо.

– Мелочовкой лупят. Двенадцатифунтовыми. Такие нам не помеха, – прищурилась капитан.

– Как долго продержится защита? – спросил я.

– Какое-то время. Все зависит от начинки ядер.

В следующие десять минут по нам дали еще семь залпов и дважды попали, но серебристый купол, вспыхивающий вокруг «Бобового зернышка», отводил снаряды в сторону.

– Нагоняют, – буркнул Глауфор, потирая шею. Он сидел скрючившись, не отрывая взгляда от расчетов.

– Я так просто не отдам им свой корабль! – рыкнула капитан.

– Если нам всадят бортовой залп, то ни щит, ни обшивка этого не выдержат. Я предлагаю, чтобы они не стреляли, пригласить к нам в гости абордажную команду. Это единственный шанс, – произнес я то, о чем думал последние несколько минут.

– Странный способ спастись, – скривился карлик.

Я крутанул штурвал влево, затем вправо, заставив «Бобовое зернышко» панически рыскать по небу. Пусть думают, что все мы перепуганы.

– Чтобы спустить абордаж, ему придется оставаться на той же высоте, что и сейчас. Из-за конструкции «Бобового зернышка» команде неудобно переходить с судна на судно, если мы идем бок о бок, так?

– Верно.

– Если сконцентрировать огонь двух «молний» и пчеломета в одной точке, например на руле, то можно постараться пробить его защиту и повредить управление.

– Только повредить, но не уничтожить, – подтвердила Джулия. – Что нам это даст?

– Время. Полчаса, может, минут пятьдесят. Им станет сложно управлять шлюпом, а уж прицелиться для точной стрельбы, когда все время бросает то в одну сторону, то в другую...

– Это может сработать, – поддержал меня Глауфор.

– Мигуэль! Сигнализируй им, что мы сдаемся, если нам обещают жизнь! – приняла решение Джулия. – Надеюсь, Лас, мы поступаем верно.

– Глауфорхехфнихшниц, приготовь самую большую из своих иголок. Демон должен сразу же дать нам максимальную скорость. Стартовать придется очень резво, – сказал я.

– Руи! Отойди от «молнии»! – напомнила капитан. – Мы сдаемся, разве не понял?! Еще не время! Мигуэль, тебя это тоже касается! И запрети Трехлапного, не ровен час, наступим.

Трехлапый от запирания отказался довольно красноречивым кляцаньем челюстей и кометой унесся на бак, подальше от наших поползновений на его свободу.

Мы стали замедляться, шли на минимальной скорости, можно сказать, что ползли по небу, едва не падая, и шлюп с каждой минутой вырастал в размерах. Заостренный, плохо окрашенный киль прошел над нами, и густая тень чужого корабля накрыла «Бобовое зернышко», словно крылья огромной хищной птицы. Экипаж разбойников потрясал мушкетами, махал абордажными саблями и мечами, сквернословил и улюлюкал. Они считали, что мы уже в их власти и не будем сопротивляться. Несколько человек, выбравшись на опустившееся штурмовое крыло[6 - Штурмовое крыло на воздушных кораблях используется как площадка для стрелков, для атаки абордажной команды или же подвеса стреколетов на тяжелых судах. У всех кораблей, кроме линкоров, во время походного положения крылья поднимаются и прижимаются к корпусу, служа дополнительной защитой от ядер.], целились в нас из ружей.

– Стоит волноваться на их счет? – спросил я у Джулии.

– Пули не пройдут, я не сняла защитный барьер, просто пригасила видимый купол. Штурман, ты готов?

Карлик кивнул:

– Как только дадите команду.

– Эй! На корыте! Готовьтесь к приему! – рыкнули сверху, и к нам со штурмовых крыльев упало почти три десятка веревок.

По ним, точно пауки, стали спускаться пираты, подбадриваемые криками оставшихся на палубе товарищей. Когда они почти слезли, я громогласно гаркнул:

– Давай!!!

Глауфор с размаху всадил в зеркало каббалистической доски длинную ребристую серебряную иголку. Она мягко вошла на всю глубину, словно это было не зеркало, а чья-то плоть. Демон оглушительно взвыл, и ботик рванул вперед, как будто в него были запряжены лошади смерти. Две «молнии» и пчеломет выстрелили почти одновременно. Голубые росчерки магических зарядов и красные трассеры огнепчел ударили в одну точку, тонкий щит, закрывавший днище противника, мигнул, порвался, и часть правой рулевой лопасти шлюпа разлетелась вдребезги.

– Всем держаться! – крикнул я, вращая штурвал влево.

Ботик опасно накренился, «черпая» бортом воздух так, что палуба начала уходить у меня из-под ног, а немногочисленные незакрепленные вещи полетели вниз. Трехлапый взвизгнул, вбив когти в доски. Мы развернулись практически на месте, а потом понеслись прочь в обратном направлении.

Несколько разбойников в этот момент решили попытать счастья и спрыгнуть вниз. Около восьми ловцов удачи промахнулись и с воплями ужаса отправились в долгий полет к океану, четверым повезло приземлиться к нам на палубу, остальные полезли обратно, но Мигуэль развернул пчеломет и выпустил целый рой насекомых, перерубая болтающиеся веревки с людьми и нелюдьми и пытаясь пробить кормовую надстройку, чтобы поджечь каюты.

– Держаться! – вновь крикнул я, крутя штурвал.

Нас опять мотнуло, на этот раз уже в другую сторону. Как только я выровнял ботик, Руи, схватив за шкирки, выкинул двоих пиратов вон с корабля.

Полуорк с боевым кличем обнажил абордажную саблю и бросился на замешкавшегося Мигуэля, но Глауфор смело шагнул навстречу бандиту и пристрелил его из мушкета.

– Справа! – гаркнул я, предупреждая капитана об опасности.

Джулия резко развернула «молнию», в упор всадила заряд в грудь бородатому здоровяку, и тот рассыпался пеплом.

– Бейте в корму! – крикнул я. – Быстрее!

Две «молнии» и пчеломет сосредоточили огонь в указанном направлении. Иллюминаторы разворачивающегося шлюпа не были закрыты бронепластинами, и почти сразу же в каютах задымилось, там начался пожар.

Когда шлюп развернулся к нам правым боком, я отправил «Бобовое зернышко» на набор высоты, то и дело меняя курс, чтобы в нас было сложнее прицелиться.

За спиной прогремел бортовой залп, крупные ядра, вместо того чтобы разнести нас на щепки, взорвались под килем, да так, что маленький ботик подлетел, словно на крутой волне, каменные таблички зазвенели, в шаре поднялась снежная буря, уничтожив карту полета. Заднюю часть фальшборта снесло, в нашей корме и бортах появилось несколько дыр, на баке вспыхнуло пламя.

– Сукины дети! – орала капитан, не стесняясь и более цветистых выражений. – Чтоб вас морские демоны утащили! Чтобы вам чайки глаза выклевали, тупые ублюдки!

Бум! – ответила ей носовая пушка шлюпа, но ядро пролетело ярдах в шестидесяти от нас, и карлик злобно хохотнул:

– Он рыскает, как акула с отрезанными плавниками.

– Рано сбрасывать его со счетов. – Мигуэль тащил новый растревоженный, злобно жужжащий улей. – Им достаточно нас нагнать, поравняться и дать еще один залп в упор.

– Пусть сначала догонят. Посмотри, какая у них скорость. Пока они не проведут ремонт, будут плестись в хвосте, – сказал Глауфор.

Руи тем временем тушил маленький пожар, тоже ругался и бегал с ведрами.

Трехлапый забрался мне на плечо, сочтя его самым надежным местом, вопросительно хрюкнул. Я провел рукой по его шерсти – и он довольно заурчал, с интересом следя за тем, как шлюп, неловко виляя, бросился в преследование.

Глава пятая,

где я прибываю на Черепаший остров

Наступила густая тропическая ночь, в небе высыпало множество звезд, и шлюп оставил преследование. Вначале у пиратов еще была надежда – в густых сумерках они стали стрелять осветительными ядрами, но, на наше счастье, таких зарядов у них оказалось немного и кончились они как раз в тот момент, когда пришла темнота.

Я резко снизился и повернул на юго-запад, уходя с прежнего курса. Мы погасили огни, закрепили пчелометы, спасательную шлюпку, двери и все, что могло скрипеть. И шлюп, будто ослепшее чудовище, грозно гудя, прошел мимо. Мой план сработал, мы смогли обвести их вокруг пальца.

«Бобовое зернышко» ушел в облака – холодные и густые. Я надел куртку с меховой подстежкой, шарф и перчатки, чтобы не замерзнуть, а Глауфор сменил лимонно-желтый колпак на вязаную шапку точно такого же цвета. Уставший за день горбун закончил последние расчеты, восстановил маршрут, проложил новый курс и перевел их мне в шар-компас, прежде чем отправиться спать.

– Здесь нас не найдут, – сказал Руи. – Мозгов у них не хватит. Эх! Был бы у нас кораблик помощнее и команда побольше... Сейчас ничего не мешало бы подкрасться к этим олухам и дать полный бортовой. Уверен, они бы даже не заметили нас до самого последнего момента.

Он ушел на бак, смотреть вперед, на тот случай если на пути окажется судно, и следующие несколько часов мы не сказали друг другу ни слова. Я отстоял за штурвалом большую часть ночи, когда на палубу поднялась Джулия.

– Отправляйтесь на боковую. Моя вахта, – сказала она, застегивая молнию на теплой летной куртке с белым меховым воротником.

– Хорошо, капитан.

– Лас, – окликнула меня, когда я уже собрался спускаться вниз. – Отличная работа.

Я улыбнулся ей и спустился в каюту, по пути разбудив Глауфора, спавшего в гамаке. Тот открыл глаза:

– Что, уже пора?

– Да. Твоя смена.

Он нахлобучил на голову шапку, сказав:

– Ты здорово нам помог, эльф.

Из его уст это была большая похвала, так что и я не остался в долгу:

– Ты тоже отменно потрудились. Я впечатлен твоим мастерством.

Глауфор заулыбался довольно:

– Это еще что. Однажды пришлось удирать от звена Черного Ага. Вот тогда пришлось попотеть. А это – всего лишь цветочки.

Я отправился спать, и Трехлапый разбудил меня перед рассветом. Джулия скучала за штурвалом.

– Уже проснулся? – удивилась она.

– Мне требуется немного времени, чтобы выспаться, – ответил я.

Это было правдой. Нам, эльфам, на сон нужно гораздо меньше времени, чем людям. И не спать мы можем тоже гораздо дольше. Именно благодаря этому я так долго мог находиться в воздухе, когда убегал с родины.

– Остается только позавидовать.

– Давай я тебя сменю, – предложил я.

Она не стала спорить, отдала мне штурвал, сказав:

– Пойду принесу кофе.

Глауфор торчал на баке, напряженно вглядываясь в бледную дымку, окружающую нас со всех сторон. Утро выдалось облачным, и ботик, казалось, потерялся в этом мареве.

Я проверил показания высоты, ежась на холоде. Поднял воротник куртки.

Едва рассвело, и все вокруг было тусклым и бледным. Вернулась Джулия, налила кофе кашляющему и шмыгающему носом Глауфору, потом мне.

– Не хочешь спуститься пониже? – спросил ее карлик.

– И встретить там кого-нибудь? Будем идти в облаках, пока не выйдем на главный фарватер. У нас перегорел щит, и без него, если поблизости рыскает какая-то банда, нам открутят голову, – возразила она.

– Ну да, – согласился с ее доводами Глауфор. – Это гораздо хуже, чем легкий насморк, если я простыну из-за этой холодрыги.

Через час солнце поднялось выше, стало теплее, и теперь в облаках, сквозь которые мы шли, появились прорехи, а затем мы и вовсе оказались среди голубого неба и ярчайшего света. Из облачной стены, оставшейся у нас за кормой, раздался рев чужого демона и появился корабль.

– Забери Изнанка! – потрясенно сказала Джулия. – Это же «Гром» капитана Севера!

В полумиле от нас шел снежно-белый клипер с острыми, хищными, режущими небо обводами корпуса. Он был совершенен и прекрасен, несмотря на то что никто из моего народа не работал на верфи, с которой подняли это судно. Клиперы – самые быстрые суда среди кораблей тяжелого класса. Эльфы называют их налаллэ'ния – гончие неба.

Вытянутый корпус, облаченный в сверкающую белую броню, напоминал тело дельфина, огромные воздушные колеса мерцали жемчужным огнем, на открытой палубе торчали орудийные башни, вдоль борта протянулись ряды пушек, над кормой возвышалась высокая, обшитая броней надстройка, где располагалась капитанская рубка. Под днищем, вдоль острого киля – крепились ускорители, заканчивающиеся хромированными соплами, а на опущенных штурмовых крыльях висели стреколеты.

«Молоты глубин».

– Изнанка меня побери! – крикнул Глауфор. – Вот это встреча!

– Сообщи, что мы просим идти с ними. Следуем на Черепаший остров, вольные торговцы, порт приписки, название и бортовой номер! – отдала приказ Джулия, и карлик начал орудовать сигнальными огоньками.

Из облаков, ползущих в четырех сотнях ярдов над нами, выскочили два белых «Молота».

На них были наварены толстые бронепластины, на тройных штурмовых крыльях висели длинноствольные пчелометы, в прорезях носа бесновалось пламя работающего демона, а вокруг ребристого корпуса, сдавленного с боков, мерцали магические щиты. Тяжелые стреколеты гномов во всей их несуразной, но, вне всякого сомнения, грозной красе.

Серьезные чудовища, особенно на средних высотах, где они почти не уступают эльфийским «Серебряным источникам».

На массивном фюзеляже ближайшей машины была изображена рука, сжимающая перечеркнутую секиру. Секира – герб клана Кархов, которые у недомерков считались лучшими воинами, а зачеркнутое оружие говорило о том, что в кабине сидит изгой этого племени. Множество маленьких алых секир было нарисовано на носу, и каждая из них – отметка о сбитом стреколете противника.

– Парень ас, – отметил я.

– У Севера все асы, – сказала Джулия. – Он берет в свою команду самых лучших.

Один из стреколетов пристроился у нас за кормой, ярдах в ста, недвусмысленно взяв ботик на прицел.

Неожиданные ощущения. В меня частенько целились и еще чаще стреляли, но в те времена я был в своем «Серебряном источнике», а не на открытой палубе старого ботика, где вести бой против подобных противников на таком расстоянии не имеет смысла.

Второй «Молот глубин» подошел к нашему борту настолько близко, что, будь у меня желание, я бы с легкостью прыгнул к нему на штурмовое крыло. Девушка в больших очках, закрывающих половину лица и делающих ее похожей на стрекозу в шлеме, из прорезей которого выглядывали большие – больше чем у меня – уши, посмотрела на нас. Джулия подняла руку, приветствуя летунью.

Та неожиданно улыбнулась, показав острейшие зубы, подняла руку в ответном жесте. Свои победы она отмечала не секирами, а звездами, и на борту нарисовано их было немало.

– Есть ответ! – Глауфор прилип к подзорной трубе. – Разрешают идти вместе. Ближе чем на двести ярдов не приближаться, курс и высоту не менять, сохранять прежнюю скорость.

– Лас, сделай, как они просят.

– Да, капитан. Этот Север – он человек?

– Человек. Он широко известен на Павлиньей гряде, и его корабль все прекрасно знают. Особенно пираты. Они предпочитают держаться от «Грома» как можно дальше.

– Поэтому мы будем держаться к нему как можно ближе, – сказал Руи, выходя на палубу, и, приложив ладонь козырьком, посмотрел на клипер.

– И чем знаменит корабль? – задал я новый вопрос.

– Ну, у него много подвигов в нашем небе, – ответил карлик. – Мало того что однажды он вступил в бой с линкором банды «Красных бород» и разнес его в щепки, несмотря на то что легче почти в два раза, так еще прорвал блокаду морского народа вокруг Песчаного острова и спас гарнизон форта. А воевать с крашшами не каждый отважится.

– Это конец истории, – оборвала его Джулия. – А начало таково, Лас. Когда-то капитанов было трое, и каждый из них сейчас легенда. Ву летал на фрегате «Каменный пень», Север – на «Громе», и Алиса, которая присоединилась к капитанам последней, но ее фрегат, «Лисий хвост», известен сегодня не меньше, чем два других корабля. Три капитана были партнерами и друзьями. Самой ловкой, самой удачливой эскадрой. Вместе они совершили много подвигов и после губернаторского военного флота считались самой грозной силой в наших небесах. Но несколько лет назад у Пурпурных скал началась большая война. Люди пытались избавиться от власти темных колдунов Маргуда, собирали флот, и «Гром» улетел туда первым, а затем к нему присоединились корабли Ву и Алисы.

– Говорят, там была бойня, – произнес Руи. – Уцелел лишь «Гром». Корабли Ву и Алисы погибли, а вместе с ними и все экипажи.

– Да. Это была большая трагедия для Черепашьего. Многие ловцы удачи их любили, – кивнула Джулия. – А Север после возвращения очень изменился. Покинул остров, и пару лет его корабль пропадал где-то в северных землях. Да и сейчас не балует окружающих своим обществом.

– Ну, положим, гномы по Ву не плакали, – не согласился карлик. – Их община давно точила на него зуб. Орк никогда не церемонился с этими ненормальными бахвалистыми бородачами!

– Не любишь гномов? – спросил я.

– А кто их любит? Как и вас, светлых эльфов, – никто. Потому что вы друг друга стоите. Впрочем, как и орки. Ну и кобольды с лепреконами, пожалуй. Если не брать в расчет хаффлингов, огров и людей, конечно.

Я расхохотался:

– Да ты расист!

– Я тертый жизнью карлик, горбу которого доставалось от тех, и других, и третьих. Но гномы из всех самые большие паскуды. Тебе ли, эльф, об этом не знать! Сколько вы там с ними враждуете? Лет семьсот? Больше, чем с орками, в два раза. Почти сотня войн и тысячи трупов с обеих сторон. У вас и сейчас война.

– Ты неправ. У нас перемирие.

– Гномы частенько забывают о подобных мелочах, как ты помнишь. Сколько раз они хватались за пистолеты и топоры, когда видели твою рожу?

– Ни разу. Они, не буду спорить, неприятные личности, но обычно не лезут в драку без причины.

– Конечно, не лезут. – Джулия стояла позади меня, выбивая трубку. – Гномы ведь убили одного из ваших соотечественников в Лазаворе без всякой причины? И вы в ответ устроили большой шум в Вестхайме.

– Они убили темного брата, и ночные эльфы совершили рейд на их территорию. Успели уничтожить десяток линкоров и три ударные эскадры, прежде чем бородачи догадались извиниться и выплатить откупные. Мы с гномами все решили гораздо раньше, Джулия. И теперь, если нет официальной войны, никто никого не трогает. Чтобы не началась официальная война. Очень удобно.

Капитан лишь с улыбкой покачала головой.

Мы летели следом за «Громом», пока внизу не появилась цепочка островов, укутанных яркой зеленью, с ослепительно-белыми ободками песка и бирюзовым прибрежным океаном. Сквозь него проглядывали тени коралловых рифов, возле которых бесновались самые свирепые волны.

Трехлапый, чувствуя скорую возможность погулять по земле, носился по ботику в таком сильном возбуждении, что даже пропустил обед. Он встревоженно икал и поглядывал вниз, на проплывающие острова и островки, гадая, какой же из них наш. Но те появлялись и исчезали – Павлинья гряда была огромна и растянулась в длину через часть Громкого океана почти на девятьсот миль.

– Сообщение! – крикнул Глауфор, заметив цепочку сигнальных огней по борту «Грома». – Прощаются и желают удачи.

– Скажи им спасибо за компанию. Лас, четыре румба влево. Мы на охраняемом фарватере, здесь нас уже никто не тронет.

Белоснежный клипер начал разворачиваться, набирая высоту, и «Молоты глубин» наконец-то слезли с нашего хвоста, направляясь следом за «Громом». Огромный корабль прибавил скорости, и вскоре его едва можно было рассмотреть на горизонте...

В небе начали появляться первые стреколеты, и чем дальше мы летели, тем интенсивнее становилось воздушное движение.

– Черепаший остров пользуется популярностью, – отметил я.

– Мы идем по центральному фарватеру Союза, он самый безопасный в этом районе, – пояснила Джулия.

– И здесь действительно никогда не трогают корабли?

– Трогают, но крайне редко. После такого у пиратов начнутся проблемы с Патрулем, а те, как и Север, – с разбойниками не церемонятся. Так что сумасшедших мало.

– Сумасшедших в этих краях хватает, – снова возразил карлик. – На Павлиньюй гряде есть несколько крупных банд ловцов удачи. Банда Черного Ага, команда Одноглазого Уфина, «Красные бороды», «Свины»... всех не пересчитаешь. У некоторых из них целые эскадрильи стреколетов. Да и суда покрупнее имеются. Они поделили регион на сферы влияния и лучше таким маленьким торговцам, как мы, с ними не сталкиваться.

– Почему бы Союзу не собраться и не прикончить их одним махом?

Глауфор хихикнул:

– Вопрос большой политики, эльф. В каждом регионе Союза есть своя банда, нападающая на суда других земель, особенно когда те идут с материков, с богатыми товарами. Часть захваченных средств поступает в лапы чиновников, а те в ответ не дают их в обиду.

– Банды не нападают на своих, – поддержал карлика Руи. – А на чужих правительству плевать.

– К тому же у некоторых разбойников имеются собственные острова, с фортами и даже воздушными крепостями, и соваться туда, если ты, конечно, не удачливый капитан Север, себе дороже. У тех же «Пантер» оборона похлеще, чем у губернатора Авареса, а «Сорвиголовы» захватили и удерживают целый атолл, грабя все попутные корабли.

– Веселая здесь жизнь.

– На самом деле все гораздо спокойнее, чем тебе может показаться. – Джулия проводила взглядом звено похожих на уток «Чаровниц» с открытыми кабинами, прошедших над нами. – Даже крупные банды не любят связываться с Патрулем, а тем паче с армейской эскадрой флота.

– Она забыла упомянуть, что обычно все бандиты знают, в каком квадрате находятся военные, и спешат уйти с их пути. Только на Патруль вся надежда, – язвительно сообщил карлик. – Впрочем, буду откровенным, сейчас все гораздо тише, чем раньше, когда подняться в небо можно было только под надежной охраной и все рвали друг друга на части. Союз – хорошее дело. Он привел наш бардак в узаконенное состояние.

– Ну насчет закона ты зря язвишь, – не согласилась капитан. – Он тут, конечно, коррумпирован, но где, скажи на милость, этого нет?

– Закон здесь действует с позиции «кто заплатил, тот и прав». И если нет денег, его лучше не нарушать, – тут же возразил ей Глауфор, с тоской поглядывая в опустевший кофейник. – Вон, кстати говоря, служители закона. Идут на десять часов. Звено Патруля.

Пятерка черных остроносых «Развратников» – тяжелых человеческих стреколетов с двойными, торчащими под углом крыльями и пузатым брюхом, в котором прятались шасси, пронеслась совсем рядом с нами. Их демоны издавали низкий, неприятный гул.

Один из стреколетов был поврежден, броня разорвана, в ней зияли огромные дыры. Машина держалась в воздухе только благодаря мастерству летуна.

– «Развратники», – протянул я. – Все вопросы о том, почему Патруль главный в небе, снимаются. Отличные стреколеты.

– Лучше ваших «Серебряных источников»? – хитро глянул на меня карлик.

– В живучести проигрывают, но и только. Мне кажется, здесь у них конкурентов быть не должно.

– Их и нет. Впрочем, и таких порой сбивают.

– Впереди земля! – крикнул Руи.

Джулия прищурилась, глядя на появившийся у горизонта скалистый остров.

– Лас, возьми восточнее, пожалуйста. Если заходить с севера, там сплошной дикий берег да горы.

– Как скажете, капитан. Глауфорхехфнихшниц, будь добр, скорректируй курс посадки. Я не знаю местных посадочных полос.

– Куда приземляемся, шкипер? – Горбун вопросительно посмотрел на Джулию.

– За Туллом долг. Заводи на Логово. Нас ждет бесплатная стоянка в пирсах, – подумав, ответила она.

Ботик полз медленно, так что я успевал посматривать по сторонам. Черепаший остров оказался отнюдь не маленькой точкой в океане. Здоровенный, гористый, покрытый ядовито-зелеными джунглями, он был по-своему даже красив. На розовых скалах сверкали нитки водопадов, огромные зонтичные деревья росли по берегам, белые полосы пенистых волн накатывали на не менее белоснежные пляжи.

– Много здесь городов? – поинтересовался я.

– Шесть. Самый крупный – столица, Сан-Винсенте, мы к нему и летим. Остальные растянуты вдоль береговой линии от одной оконечности острова до другой. Справишься с посадкой?

Я глянул на шар, прежде чем уверенно ответить:

– Справлюсь. Заход легкий.

Джулия довольно кивнула, а я приступил к последнему этапу, уменьшив скорость демона до минимума и двигаясь над огромным широким заливом к большому городу, раскинувшемуся вдоль берега и уползающему в ложбины высоких зеленых гор с покатыми вершинами.

Посадочная полоса Логова шла параллельно основанию высокого прибрежного холма, служившего мне отличным ориентиром. Его вершину украшал стеклянный купол, на крыше которого безостановочно мигали крылышками фэйри. Пирсы для судов отстроили возле большого пляжа. Здесь стояли посадочные конструкции с захватами, способными удерживать вес небесных броненосцев, подъемные краны для разгрузки и сигнальные мачты для ночных посадок.

Почти все места были свободны, Джулия подала сигнал, и нам пришел ответ.

– Четвертый пирс, Лас! – сказала мне она.

Рука-захват раскрылась, я заставил ботик зависнуть над ней, а затем стал медленно опускать его, ориентируясь на команды гролля, перегнувшегося через перила фальшборта и корректирующего расстояние.

Когда «Бобовое зернышко» мягко вздрогнуло, прицепившись к посадочному крепежу, я коснулся Печатей кольцом Развоплощения, и демон, поворчав еще несколько секунд, заснул.

Руи с Мигуэлем спустили вниз сходни, и причальная обслуга на берегу надежно прикрепила их к пирсу.

– Приехали, – сказал Глауфор.

Трехлапый выскочил на сушу и, счастливый до невозможности, начал наматывать круги вокруг гролля, разве что не подвывая от восторга.

Он был рад так же, как и я. Мы наконец добрались.

У меня было огромное желание стянуть промокшую от пота рубашку, да и вообще всю одежду, оставшись в чем мать родила. К подобной жарнице я не привык. Даже когда горел в кабине «Серебряного источника», было прохладнее, чем сейчас.

Во время полета, на высоте, это не замечалось, но стоило опуститься на землю, и стало почти так же, как в парилке у троллей. После прохлады лесов жить в подобном климате я не пожелаю даже кираллэте.

– Руи, останься на борту. Надо все подготовить для таможни, – сказала Джулия, сунув под мышку стопку бумаг и корабельный журнал. – Глауфорхехфнихшниц, не забудь разрешения на груз, а ты, Мигуэль, хватай корзины. Лас, помоги ему, пожалуйста.

Я взял по просьбе капитана одну из тяжелых корзинок, наполненную ярко-красными, неизвестными мне плодами.

– Эй! Не смейте пропасть в кабаке! – крикнул гролль нам вслед. – Я тоже хочу!

На частных пирсах не было никого, кроме немногочисленной obsługi и пары тощих собак, которые, вывалив языки, лежали в тени пальмы. Трехлапый весело скакал вокруг нас, его силы, кажется, были неистощимы. Жаркий климат совершенно не влиял на его настроение.

– Тебе следует купить новые вещи, – сказала мне Джулия. – Эльфийских тканей здесь, конечно, днем с огнем не найдешь, но пауки-арахнары шьют ничуть не хуже. В квартале Игуан живет одна семья, они держат лавочку, загляни туда. Твоя одежда не приспособлена для такого климата.

– Спасибо. Куда мы сейчас идем?

– Следует оплатить пошлину в казну острова, зарегистрировать «Бобовое зернышко», а также отметиться у таможни. Бюрократия...

– Я всегда считал, что таможенники сами приходят на судно.

– И придут, уж поверь мне. Но меня тут каждый краб знает, так что есть кое-какие привилегии. Можно немного ускорить процесс.

– Это для капитана он ускорится, – хмыкнул Глауфор. – Бумаги-то опять придется заполнять мне.

У начала причала, возле распахнутых настежь ворот на табурете дремал служитель закона, надвинув на лицо соломенную шляпу. Услышав наши шаги, он встрепенулся, кивнул, показав на небольшую хижину с крышей из пальмовых листьев. Джулия первой вошла туда, мы последовали за ней.

В единственной, занимавшей все помещение комнате стоял стол, два плетеных стула и рассохшийся оружейный шкаф. Один из таможенников в мятой расстегнутой форме с эмблемой черепахи на рукаве вяло обмахивал себя картой. Он был круглый, толстый, с ленивыми сонными глазами и белозубой улыбкой из-под густых черных усов. Его товарищ – худой унылый тип – доедал жареную рыбу и лишь покосился в нашу сторону, не собираясь отрываться от обеда.

– Добрый день, сеньор Сантьяго, – поприветствовала первого таможенника Джулия.

– С прибытием на наш радушный остров, сеньора Вархаз. Хорошо ли добрались?

– Если не считать стычки с безымянным шлюпом к северо-востоку отсюда, то вполне сносно. Благодарю.

– Опять эти негодяи. – Сантьяго огорченно цокнул языком, доставая из ящика стола пачку бумаг. Он протянул их карлику, придвинул к нему чернильницу и перо. – Они доставили уже массу неприятностей мелким торговцам, вычистили их трюмы, даже крыс, кажется, забрали с собой. А на прошлой неделе сбили нашего почтового курьера, так что за их головы объявлена награда. Патруль выслал два звена, чтобы найти их, но пока неудачно.

– Мы смогли их повредить, и если Патруль поторопится, то проблем в воздухе больше не будет, – сказал я.

Таможенник с сомнением посмотрел на меня.

– Повредить? Чем? У вас на посудине есть что-то мощнее мозгов этого любезного сеньора? – Толстяк ткнул грязным пальцем в сторону карлика.

– Всего лишь удача, – улыбнулась Джулия. – Нам удалось вывести из строя один из их рулей.

– В каком квадрате встретились? – прищурился второй таможенник, сразу забыв о рыбе.

– Сто сорок второй. – Глауфор быстро черкал в таможенных бумагах, ставя галочки в нужных местах.

– Значит, сообщим Патрулю.

Повинуясь жесту Джулии, Мигуэль поставил на стол корзину с фруктами:

- Я знаю, что вы любите огненные сливы, сеньор Сантьяго.
- Право, не стоило, сеньора Вархаз, – улыбнулся таможенник, и корзина мгновенно исчезла под столом. – Все-таки редкий и дорогой товар.
- О, сеньор, это всего лишь фрукты.
- А внутри этих лежит то же, что и всегда? – Толстяк посмотрел на плоды в моей корзине.
- Да.
- Тридцать процентов от наvara, госпожа Вархаз.
- В тот раз было двадцать.
- Риски возросли, мне приходится платить подчиненным, чтобы они молчали. Правда, Фредерико?
- Правда. – Таможенник обгладывал рыбий хвост, с интересом поглядывая на крутящегося у ног Трехлапого.
- Двадцать пять, сеньор, иначе это последний ввоз товара на остров. При тридцати процентах он перестанет окупаться, и вы это прекрасно знаете.

Толстяк посмотрел на капитана из-под тяжелых век, кивнул:

- Хорошо, двадцать пять. И не отдавайте его на Восточном рынке, в последнюю неделю там безумствует стража, после того как тестю губернатора продали фальшивую картину.

Не знаю, что такого ценного было внутри фруктов, но я не собирался совать нос куда не следует.

Наконец бумаги оказались заполнены, пошлины оплачены, и таможенник соизволил обратить внимание на меня:

– Этот парень с вами, сеньора?

– Он мой рулевой.

– Эльф... Очень интересно. Ваш народ редко до нас добирается. Последнего эльфа я видел года три назад, и то на проходящем судне. Надолго у нас задержишься?

– Как получится.

– Как получится, – эхом откликнулся он. – Если не улетишь с кораблем в ближайшую неделю, то тебе нужен вид на жительство и разрешение властей на переход границы.

– С каких это пор, любезный?! – возмутился Глауфор. – Впервые слышу о таком законе!

– Так иди и прочти! – Таможенник ткнул пальцем на дальнюю стену комнаты, где висело множество бумаг. – «Для орков, эльфов и оборотней требуется вид на жительство».

– И как его получить? – мрачно поинтересовался я.

– Очень просто. Пишите заявление в министерство по межнациональным связям и копию советнику губернатора. В двух экземплярах. Если его одобряют, встаете в очередь на разрешение. За два-три месяца, если бумаги с прошениями не потеряются, вы сможете оформить документы на временное жительство на нашем чудесном острове.

– Это расизм, – нахмурился карлик.

– Это закон, любезный.

– И что ему делать все эти два-три месяца?

– Он может находиться на территории пирсов, если желает. Желаете?

– Не желаю, – ответил я.

– Есть ли другие способы? – вежливо поинтересовалась Джулия.

– Если честно, то нет. Но так как я давно вас знаю, госпожа Вархаз, и если вы готовы поручиться за вашего рулевого...

– Готова.

– То я могу оформить все эти бумаги здесь, в следующие несколько минут. За государственную пошлину, разумеется.

Я хотел сказать, что у меня нет денег (камни, зашитые в куртку, следует сначала продать), но капитан мило улыбнулась таможеннику:

– Конечно, мы заплатим, сеньор. Скидки будут?

Таможенник пожевал губами:

– Будут, и только потому, что моя бабушка хорошо относилась к эльфам. Однажды видела одного из них в нашей деревне, еще в молодости. Потом, на старости лет, все уши мне прожужжала. Шесть луидоров.

Это была колоссальная цифра за одну бумажку. Он увидел, как вытянулись у нас лица, как Глауфор едва сдерживается, чтобы не послать его к крабам, и добавил:

– Это государственная цена. Вам, по знакомству, я все оформлю за три с четвертью.

– По рукам.

Он достал бланк и начал заполнять строчки, а я шепнул капитану:

– Спасибо, я верну деньги.

– По этому поводу не беспокойся, – отмахнулась она. – Я вычту их из твоего жалованья. Ты все-таки мой рулевой и отлично поработал. К тому же тебе, как члену команды, пускай и временному, положена доля за товар.

Капитан глазами показала на мою корзину.

– Кстати, эльф, пока стоишь, можешь ознакомиться с основными законами острова. – Таможенник кивнул в сторону бумаг на стене.

Основных законов было немного. Всего два: уважать губернатора и не устраивать революций. А вот соседний документ меня привлек гораздо больше – в нем был огромный, подробнейший список запрещенных к ввозу артефактов, о котором мне говорила Джулия.

– Если что-то из этого есть, лучше сдай сейчас, и я на первый раз закрою глаза. Потому что как только ты пересечешь эту линию, то я возьму тебя за жабры. – Толстяк ткнул на стершуюся желтую полосу, намалеванную на полу. – Госпожа Джулия ввозит на остров лисвейскую соль и скрывает ее, чтобы не платить сумасшедший налог. И меня это не заботит. А вот темные артефакты – это серьезно. Такое не пропустит ни один таможенник и ни за какую взятку. Даже убийцу могут оправдать, а вот контрабандиста темной дряни – ни за что. Выгляни в окошко, не ленись.

Высунувшись, я увидел виселицу и вялящихся на солнышке мертвецов.

– Понятно. У меня нет артефактов.

– Ну и чудесно. Госпожа Вархаз, нам надо будет осмотреть ваше судно. Ничего не поделаешь, служба.

– Конечно. Руи вас ждет и покажет все, что вы захотите.

– Зайдем вечером, – сказал Фредерико, отодвигая тарелку. Затем взял со стола странный предмет, больше всего похожий на кусок стекла, посмотрел через него на нас и сказал удивленно:

– Оп-па...

– Что там? – Толстяк заканчивал заполнять бумагу и даже не поднял головы.

– Кажись... артефакт. На шее эльфа.

– Показывай, звезднорожденный. – На лице у начальника было написано «ну как же можно быть таким тупым, я же спрашивал».

Я вытянул из-за ворота цепочку, на которой висел медальон погибшей девушки.

– Это просто украшение.

– Мои глаза говорят обратное. – Фредерико протянул руку. – Давай.

Я, колебавшись, отдал ему эту вещь, и оба таможенника стали внимательно ее рассматривать.

– Четких показаний нет, – наконец сказал начальник. – Лишь легкий ореол. И в списке такого точно не значится. Странная штука. Говоришь, просто украшение? Где взял?

– Купил в порту за медяк, – солгал я. – Магии в ней я не чувствую.

– Сейчас мы это проверим. Тащи жабу.

Фредерико выскочил на улицу.

– Будут неприятности? – тихо спросила у меня Джулия.

– Не знаю, – честно ответил я ей. – Мне никто не говорил, что это артефакт.

– Преступники часто маскируют запрещенные магические побрякушки под безделушки. – У толстяка оказался острый слух. – Сейчас проверим, что это такое. Даже если в нем и есть волшебство, он не похож на боевой или темный амулет. Максимум, что вам грозит, – пошлина.

Вернулся Фредерико, несущий на руках огромную, с поросенка, пупырчатую жабу ядовито-лимонного цвета. Трехлапого едва удар не хватил от подобной твари, и он, пуская пузыри, забился под шкаф.

Жабу усадили на стол, она немигающе уставилась на меня и еще сильнее раздулась, вот-вот грозя лопнуть.

– Эй, эй! – сказал я, видя, как Сантьяго открывает ей пасть и кладет на язык медальон.

– Не бойся, не сожрет, – утешил он меня.

Спустя минуту ничего особенного не случилось. Желтое земноводное все так же продолжало таращиться в одну точку.

– И что должно произойти?

– В принципе она должна изменить цвет, – озадаченно сказал Фредерико. – Кажется, стекло опять барахлит.

Сантьяго с досадой стукнул жабу кулаком, и та послушно раззявила пасть, показывая всему миру мой медальон.

– Ошибочка вышла, – сказал толстяк, протягивая мне безделушку.

Я взял ее и, поколебавшись, убрал в карман.

– Так, я закончил заполнение. Давайте деньги, и у меня вопрос. Эта зверушка – твоя?

Он кивком указал на выползшего из-под шкафа Трехлапого.

– Да.

– Тогда с вас еще четверть луидора. Санитарный налог на животных никто не отменял.

Джулия поджала губы, но добавила несколько монет чиновнику, он лихо поставил печать на мое разрешение и, протянув мне, с дежурной улыбкой сказал:

– Добро пожаловать на Черепаший остров, эльф.

Глава шестая,

в которой я участвую в пари

Каждое утро, пока солнце не поднялось слишком высоко и не превратилось в раскаленный гномий горн, Трехлапый растекался по подоконнику и начинал хрюкать от удовольствия, да так, что выспаться не было никакой возможности.

– И тебе доброе утро, – произнес я, выбираясь из гамака.

Он довольно покосился на буфет, как бы намекая, что раз уж я его спас, то неплохо бы о нем заботиться и кормить вовремя, желательно тем очаровательным аппетитным печеньем с кокосовой крошкой, которое находилось на верхней полке. Это лакомство он поедал с поразительной скоростью, впрочем, как и манго, папайю, ананасы, кокосы, авокадо, крабов на пляже, банановые чипсы, а также все, до чего могла добраться его зубастая пасть. С кормежкой Трехлапого не было никаких проблем. Когда я не успевал дать ему печенюшку, он отправлялся на самостоятельный промысел. Еды было вдоволь, и за ту неделю, что мы здесь провели, зверек порядком отъелся и стал гораздо весомее, чем прежде.

Сегодня я насыпал ему целую миску жареных кокосовых пластинок и, пока мой маленький компаньон чавкал, наскоро перекусил фруктами. С деньгами у меня было неважно, несмотря на то что Джулия не поскупилась. У меня рука не поднялась забрать эти луидоры себе, и, хотя она возражала, я вложил большую часть заработанного в починку «Бобового зернышка».

Та мелочь, что оставалась в карманах, ушла на оплату комнаты, покупку продуктов и одежду. Ситуация в какой-то степени была смешная. Никогда за

всю свою жизнь я не нуждался в деньгах и теперь, оставшись без средств к существованию, чувствовал себя несколько странно. Необычно стать нищим, когда всегда был богат. Но еще смешнее то, что в принципе у меня имелось несколько сотен луидоров в виде драгоценных камней, которые я получил в оружейной лавке Прибрежного.

Однако с камнями глубин на острове возникли проблемы. Они попадали под дурацкое местное законодательство, официальный налог с продажи превышал почти восемьдесят процентов, а сбыт такого товара негосударственным продавцом карался бешеным штрафом и тремя месяцами тюрьмы. Отдавать большую часть денег в карман губернатора я не хотел и потому решил не спешить с продажей.

Так что сейчас я очень активно искал работу, побывал в нескольких местах, где требовались летуны. Но мне не нравились предложения – основной задачей было кого-то штурмовать, атаковать или сбивать.

Я знал, что ситуация зависит не от меня, да и Джулия, когда улетала, сказала:

– В этом обществе много непорядочных людей и нелюдей. И найти честную работу порядочному челю... эльфу непросто, Лас. Я очень надеюсь, что тебе не придется делать выбор и спорить со своей совестью.

Я провел за жезлом боевого стреколета всю свою сознательную жизнь, устал от войны, в итоге бежал от нее... И не хотел вновь становиться на этот путь. Впрочем, с «войной» я поспешил. Сомнительные работодатели искали летунов для исполнения сомнительных поручений. Эти предложения дурно пахли. В них требовалось грабить купцов и сбивать стреколеты конкурентов. Ничего не имею против того, чтобы победить бандита, а вот сам бандитом становиться не хочу. Убивать и грабить ради денег – это не для меня.

Мне было бы интересно сопровождать караваны или патрулировать небо, перевозить пассажиров или доставлять грузы, но пока ничего подходящего не находилось, и я сидел на земле, надеялся на удачу и ждал подходящего случая.

«Бобовое зернышко» ушло на материк, куда мне теперь путь был заказан, забив трюм морскими кокосами, и я остался на Черепашьем в одиночестве, если не считать, конечно, Трехлапного. Команда Джулии вернется лишь после

завершения месяца Ураганов – дождливого периода, когда в небо поднимаются только самоубийцы.

После завтрака я быстро собрался, спеша на встречу с еще одним нанимателем, и спросил у Трехлапного:

– Я ухожу, ты со мной?

Он забрался на кровать, клацнув пастью, что я расценил как «нет».

– Ну, тогда можешь пожелать мне удачи, и счастливо оставаться. Пожалуйста, не трогай обувь других жильцов.

Я снимал комнату на втором этаже большого неопрятного дома, заселенного совершенно разными существами, которые в обычной жизни частенько не могли ужиться друг с другом. Но здесь никто не дрался, не ругался, не устраивал пьяные дебоши и не влезал в комнату к соседу, чтобы поживиться тем, что плохо лежит.

В доме была тишь да гладь, потому что им владел старый огр по прозвищу Кривонос. Если кто не знает, как выглядят огры, то это такие ребята, больше орков и гроллей, но чуть меньше троллей. У них серая кожа, выразительные черные глаза, острые зубы и мощь линейного корабля. Силой Небо их не обделило, так что, когда кто-нибудь все-таки начинал бузить, хозяин доходного дома поднимался из плетеного кресла, в котором раскладывал пасьянсы и хлестал ром, мрачнел лицом, брал дубинку и, стуча деревянной ногой, отправлялся наводить порядок.

Обычно стука деревянной ноги было достаточно, чтобы вокруг сразу же наступил мир и тишина...

Сегодня, когда я спустился по лестнице на первый этаж, то встретил Кривоноса на крыльце. Он вытащил из дома кресло, развалился в нем, нахлобучив на макушку фетровую шляпу, и потягивал из стакана дорогой круситский ром, наслаждаясь прекрасным днем.

Заметив меня, огр осклабился щербатым ртом, в котором не хватало нескольких зубов, и махнул мне огромной ручищей:

– Какая погода, а?

– Чудесная, – сказал я, приложив ладонь козырьком и наблюдая, как неловко заходит на посадочную полосу Ямы какой-то новичок. Надеюсь, он сможет поднять нос и погасить скорость, иначе не собрать ему костей. – Кто сегодня ночью так кричал?

– Мешали спать? – огорчился огр и почесал похожий на баклажан носище. – Это вчера два каких-то урода под окном повздорили. Послали одного из моих жильцов, хаффлинга По, когда он сделал им замечание. Пришлось выйти и объяснить им, что они неправы. Они больше не будут шуметь. А у тебя дела как? Работу не нашел?

– Пока нет.

– Когда все-таки дозреешь до рискованных предприятий, сообщи. Пристрою тебя к надежным ребятам, таким, чтобы ты был как за каменной стеной.

– За каменной стеной? – поднял я брови. – Это там ядроль оторвало тебе ногу?

Он отчего-то громогласно рассмеялся, своим рыком перепугав осла, тащившего в горку телегу:

– Нет. Ногу я потерял не там. Тебе-то что беспокоиться? Ты ж летун. По палубе не ходишь. Если попадут в тебя, так ты сразу со стреколетом развалишься, даже опомниться не успеешь.

– Вот это меня и беспокоит.

Он снова хохотнул:

– Ну, беспокойство оправданно. Врать не буду. Если найдешь себе что-то более мирное – молодец.

Он протянул руку со сжатым кулаком, я ударил по нему своим. У огров это заменяло рукопожатие. Вполне цивилизованный способ. К примеру людоеды, предпочитают дубасить друг друга по затылку.

– Удачи, – пожелал он на прощанье.

К сожалению, его напутствие не помогло. Наниматель – слюнявый тип с проворными, бегающими глазками, заикаясь, предложил «верное дело» на юге Павлиньей гряды, почти в тысяче миль от Черепашьего острова. Мне обещали два луидора за месяц работы и охрану серебряной шахты от набегов конкурирующей банды.

Я только улыбнулся, деньги предлагали никакие, и, когда он стал доказывать, что это большая сумма, распрощался и ушел.

С самого начала я не рассматривал Черепаший остров как свой новый дом и планировал задержаться здесь ненадолго, а после перебраться к темным родственникам. Но по всем расчетам выходило, что улечу я отсюда не раньше, чем завершится месяц Ураганов. Лишь тогда появится шанс найти подходящее судно, идущее в нужную мне сторону. Пока же все большие корабли ставили в доки, чтобы они переждали подступающее ненастье.

Также оставался не решен вопрос с деньгами – пока они у меня не появятся, я не смогу улететь. А появиться им неоткуда, потому что начинается нелетный месяц.

Замкнутый круг.

Вдоль дороги, по которой я шел, носились два фэйри, вооруженные маленькими гарпунами. Эти златокудрые ребята с треугольными лицами и большими невинными глазами быстро-быстро махали полупрозрачными крылышками и пытались поймать какого-то прячущегося в зарослях зверька.

– Помочь? – спросил я, проходя мимо.

– Неспортивно! – возмутился один из них. – Так еду не добывают!

Но зверек, оказавшийся полосатым опоссумом, плевать хотел на спорт и заполз под гранитную скалу – так что охотникам оставалось лишь выругаться да лететь на поиски новой добычи.

Первые рыбаки уже успели вернуться с океана с уловом. Они выложили на набережной упитанных серебристых тунцов, ярко-алых групперов и зеленоватых морских угрей и теперь ждали покупателей.

Приближалось время обеда, поэтому я решил зайти в таверну «Лихой вираж». Она находилась на берегу, в портовом районе. На крышу здания водрузили старый, уже давно не летающий стреколет «Комар», раскрашенный в разные оттенки лазоревого цвета.

Это было популярное среди летающей братии место, работающее круглосуточно. Посетителей здесь всегда хватало, даже днем – в то время когда все остальные заведения стояли пустыми и не могли заманить клиентов до наступления темноты.

Не занятые делами летуны приходили в «Лихой вираж», чтобы пропустить стаканчик, встретиться, обсудить последние новости и заключить сделки. Первое время на меня в заведении то и дело косились. Эльфов на Черепашьем было почти столько же, сколько и золотых луидоров, валяющихся на городских улицах, – то есть ни одного. Затем привыкли, а после и вовсе перестали обращать внимание.

Сегодня все столы оказались заняты. Я заметил интересную пару – лепрекона и орка. Мелкий старикашка с торчащей во все стороны рыжей шевелюрой и баками, вздыбленными, точно у кота, сразу привлек мое внимание. Не каждый день на одном существе можно увидеть столь уникальный в своей цветовой экстравагантности наряд: зеленые камзол и цилиндр, короткие лиловые штаны с желтыми пуговицами, алые гольфы и башмаки с серебряными пряжками.

Его собеседник – орк, здоровый детина со свирепым выражением на темно-зеленой морде, маленькими алыми глазками и торчащими из-под нижней губы клыками, – встретился со мной взглядом и равнодушно отвернулся.

Когда-то давно орки едва не уничтожили мой народ и мой лес, потом мы набрались сил, дали им сдачи. С тех пор между нами шаткий мир, если так это

можно назвать. Лишь однажды, совсем недавно, вышел маленький пограничный конфликт, но бои закончились меньше чем за месяц, с равными потерями с обеих сторон.

Свободное место я нашел лишь за стойкой, между волкодлаком и мирно посапывающим лилипутом – маленьким парнем, размером чуть больше моей ладони, с небритым лицом и вихрастыми, всклокоченными волосами. Он был облачен в красный кафтанчик и бриджи, а крошечные башмаки сунул себе под голову вместо подушки. Рядом с ним стоял пустой бокал из-под виски, для такого небольшого существа объемом он был сравним с настоящим ведром.

Работавшая за стойкой Анна – добродушная хозяйка заведения – смешивала коктейль для улыбчивой девчонки из ночного народа. У той была золотистая кожа и огромные глаза – ярко-янтарные. Заметив мой заинтересованный взгляд, летунья улыбнулась, показав остренькие иглы зубов, и взяла из рук Анны стакан молока, смешанного с шоколадным ликером и ромом.

Я узнал ее – это она летела на «Молоте глубин» и махала Джулии, когда мы повстречали «Гром».

– Привет, Лас, как успехи? – спросила у меня хозяйка заведения.

– Без изменений. Но я не унываю.

– И правильно. Тебе как всегда?

Она налила мне большую кружку кофе, которое мы, эльфы, ценим ничуть не меньше, чем хорошее вино. А кофе в этих местах, надо заметить, не то что на континенте – отменный.

Правда, сегодня мне не дали им насладиться. К поглядывающему на меня волкодлаку подошел человек. Они перекинулись парой фраз, и мужчина обратился ко мне:

– Ни разу не видел тебя в небе, эльф. Ты уверен, что умеешь летать?

У него было вытянутое лицо со сломанным носом и злые глаза.

– Тебе больше нечем заняться, Хавьес? – довольно грубо спросила Анна, наполняя пивом высокие бокалы. – Если ты снова затеешь драку, то учти, что это последний раз, когда я вас терплю в своем заведении!

Он обернулся к ней:

– Я просто хочу сказать то, что многие тут думают, – эльф пудрит всем мозги. Нашел где-то кольцо, и уже все сочли его летуном. А еще неизвестно, кто он на самом деле и на кого работает. С чего ты ему веришь?

– Кривонос за него поручился.

– Кривонос – выживший из ума дурак, который теперь хаёт Севера, и в небе не был уже сотню лет!

– Сможешь сказать ему это в лицо, герой? – спросил я у него.

– Ты что, планируешь спрятаться за широкую спину огра, эльф? Как видишь, его здесь нет, а ты один.

– Мы говорили с ребятами, и никто не видел, каков ты в небе, – прорычал волкодлак, поддерживая товарища. – Ты даже к стреколету ни разу не подошел, а от работы отказываешься.

– И что с того? – Я равнодушно отпил кофе.

– Не только мы с Косматым сомневаемся, что из тебя летун, как из меня портовая шлюха.

– Я бы не торопилась с выводами, – заметила девушка из ночного народа. – Портовая шлюха из тебя бы точно получилась.

Лилипут, который, оказывается, не спал, расхохотался.

– Как она тебя, Хавьес, а?

– Заткнись, мелюзга! – прорычал человек и повысил голос, хотя на нас и так уже обратили внимание все присутствующие. – Я слышал, что эльфы отменные летуны, только вас, эльфов, днем с огнем не сыщешь, чтобы это проверить. А если и найдешь – вы тут же идете на попятный.

Несколько посетителей за столиками рассмеялись, и Хавьес, чувствуя поддержку, продолжил:

– Нам всем жутко любопытно, каковы вы, ребята, в воздухе. Докажи, что умеешь управлять стреколетом, а не прибыл на Черепаший остров на какой-нибудь дырявой посудине в качестве груза!

Это фраза также имела успех у завсегдатаев, которые встретили ее одобрительными возгласами. Мало кто из них что-то имел против меня, но все чувствовали возможное развлечение, несколько отличающееся от обычного стакана рома и скучной повседневности. Грех такое не поддержать.

– Что-то мне не хочется ничего тебе доказывать, приятель, – сказал я.

– С чего такая нерешительность? Слушайте все! Готов заключить пари! Если этот эльф поднимется в воздух и продержится у меня на хвосте хотя бы минуту, то я поставлю ему бесплатную выпивку!

– Давай, паря, не ломайся! – сказал лилипут.

– Покажи, чего стоишь! – поддержал его кто-то из зала.

Я посмотрел на лица присутствующих. Все ждали моего решения. Принять вызов было настоящим ребячеством – что-то кому-то доказывать нет никакой нужды. Но, с другой стороны, это шанс показать возможным работодателям свои способности. И, пожалуй, не мне сейчас от него отказываться.

– Поставишь бесплатную выпивку? – уточнил я, оглядев лица посетителей, ждущих моей реакции. – Ты никак издеваешься, раз хочешь отделаться одной рюмкой. Если я смогу удержаться, то ты угостишь всех, кто сейчас сидит в этом зале. Согласен?

Он переглянулся с волкодлаком, и тот едва заметно кивнул.

– Согласен.

Зал ответил одобрительным ревом.

Зрителей собралось изрядно, так как история очень быстро разлетелась по ближайшим улицам, и каждый бездельник и прохожий счел своим долгом поглядеть на клоунаду. Горожане, летуны, окрестные мальчишки, моряки со шхун, даже стража и несколько ребят в темных комбинезонах Патруля заглянули на огонек.

Откуда-то появились букмекеры – два прилично одетых сеньора в белых париках, зеленых сюртуках с серебряными пуговицами, чулках и коротких штанах начали принимать ставки, записывая их мелом на большой грифельной доске, раздавая квитки и забирая луидоры. Желающих испытать удачу оказалось очень много. Я бы тоже поставил, если бы в моем кармане хоть что-то было.

Лилипут, от которого страшно разило виски, взял надо мной шефство. Я слушал его трескотню уже несколько минут, затем спросил:

– Звать-то тебя как, мой маленький друг?

– Не надо о размерах, паря! Это моя больная тема! А звать меня Буваллон Тригеллон Шестнадцатый.

– Ты королевских кровей?

– Все лилипуты короли! – рассмеялся он. – Если ты понимаешь, о чем я. А если не понимаешь, то и ладно. Шестнадцатый я потому, что был у мамыши, дорости она до табуретки, шестнадцатым ребенком. Так вот, паря. Хавьес – хороший летун, один из лучших на острове, к тому же с башкой у него не все в порядке, будь начеку.

– С чего ты решил меня поддержать?

– Не веришь в мою доброту? Правильно, паря. Я сам в нее не верю. Хавьес порядком меня достает, когда сидит у стойки. Никогда не даст спокойно вздремнуть. К тому же мои родственники поставили на тебя много денег, так что я решил облегчить им жизнь. О, щас Тулл речь толкнет. Слушай его внимательно, паря.

Лепреккон в яркой одежде взял на себя обязанности распорядителя «скачек» и, когда все желающие сделали ставки, сказал:

– Хавьес стартует первым, эльф следом за ним. Даем ему три минуты, чтобы сесть Хавьесу на хвост. И оба должны летать так, чтобы мы видели. Залива и прибрежной части города для этого хватит. Логово обеспечивает вас бесплатной полосой. Кто даст эльфу стреколет?

– Я! – поднял руку пузатый старикан с белыми висячими усами и лохматыми бровями, делающими его похожим на моржа.

– Так я и думал, что Морж не вытерпит! – хихикнул Буваллон. – У него с Хавьесом старые счеты. Эй, Морж! Морж!

Лилипут замахал руками. Несмотря на рост, глотка у него была луженая, но и без его криков старый летун уже шел к нам.

– Идем, Лас, покажу тебе птичку, – сказал он, удивив меня тем, что знает мое имя.

– Эй! Меня возьмите! Я за вами не успеваю! – заорал Буваллон, и я посадил его на плечо, спросив:

– Не свалишься?

– За собой следи, паря, – довольно невежливо буркнул он и, сообразив, что я запросто могу его ссадить, сверкнул дежурной улыбкой. – Нет такого напитка, что уронит меня на землю, правда, Морж?

Старик лишь хмыкнул и сказал, обращаясь ко мне:

– Хавьес – отморозок, как и его лохматый приятель, но летун отменный. Надеюсь, ты понимаешь, чем тебе это грозит?

– Какой у тебя стреколет? – спросил я вместо ответа.

– «Чаровница» первой конструкции. Спарка.

– А у Хавьеса?

– «Месяц».

И тот и другой сделаны людьми, но сравнение не в пользу «Чаровницы». «Месяц» обладает гораздо более мощным демоном, он более устойчив в воздухе и более быстр.

– Моя пташка очень юркая, а на малых высотах «Месяц» ей вообще не конкурент. – Морж заметил выражение, промелькнувшее на моем лице.

– Спасибо за утешение, но ласточке, при всей ее проворности, тяжело тягаться с соколом. У человека военный образец «Месяца»? Средний стреколет?

– Верно. А у меня военный легкий разведчик, с которым я пересек все небо и который никогда не подводил, так что нечего заранее рассчитывать на проигрыш!

– Да я и не собираюсь проигрывать, – пожал плечами я. – Какой у тебя демон?

– Старичок, но вполне резвый, – подал голос Буваллон. – Месяц назад Морж обновил все три Печати.

– Все-то ты знаешь, – проворчал летун. – Педали рулей тугие, особенно с непривычки. Демон послушный. И вот еще что, если не летал на «Чаровницах», учти, что у них практически нет сваливания[7 - С в а л и в а н и е – резкое падение подъемной силы, когда стреколет перестает держаться в воздухе и начинает падать.] даже на минимальных скоростях, а маневр у земли очень хорош.

Мы прошли через распахнутые ворота Логова. Волкодлак уже выгнал из ангара зеленый стреколет с ребристыми боками и фонарем[8 - Ф о н а р ь – стеклянный колпак над кабиной, защищающий от ветра и непогоды.], закрывающим всю кабину бронированным стеклом.

– Ждем только тебя, эльф! – крикнул Хавьес.

«Чаровница» Моржа – старый стреколет, которому, наверное, было лет сорок, а то и все пятьдесят, с облупленной серо-желтой краской стоял на площадке. Судя по заплаткам и клепкам, его несколько раз дырявили в боях.

– Выглядит она гораздо хуже, чем летает. – Морж достал кисет с табаком. – Слезай с эльфа, Буваллон.

Лилипут с моей помощью прыгнул вниз и сказал:

– Смотри не убейся там, паря. Мои родственники все же хотят положить в карман немного мелочи.

Я забрался в кабину летуна, расположенную на некотором возвышении за кабиной штурмана. Действительно, это была одна из самых первых моделей – такого минимализма я еще не встречал. Стертые ногами педали, магический жезл, старый шар, огрызок каббалистической доски и выгоревшая от времени кожа сиденья.

– Ульи пусты, сразу предупреждаю. На их заселение у меня пока денег нет.

– Давно поднимался на ней? – Я уже обосновался в жестком кресле, пристегнул себя кожаными ремнями и теперь проводил предполетную проверку.

В нутре «Месяца» Хавьеса глухо взревело.

– Пять дней назад, восемь часов в воздухе. Поверь, Лас, она надежная птичка, иначе бы я не предлагал тебе помощь.

– Ага, поверь ему. Но лучше положиись на свое мастерство! – откуда-то снизу авторитетно произнес лилипут.

Я провел рукой над шаром, активируя, чтобы настроить его на стандартные показатели. С пробуждением демона возникла заминка – мое кольцо не сразу зажгло Печати, но в конце концов по корпусу побежала легкая дрожь, шар мигнул, начиная мерцать, я переместил несколько рычажков, следя за стрелкой на больших, окованных медью часах, ослабил цепи, давая потустороннему существу полностью пробудиться от спячки.

– Эй, Лас! Одолжить тебе пистолет? – окликнул меня Морж.

– Зачем?

– Чтобы ты успел застрелиться, если гробанешь мою радость о землю, но все еще будешь жив! Потому что иначе я из тебя сам дух выбую!

Очень обнадеживающее напутствие.

– Будем надеяться на лучшее! – крикнул я ему в ответ и направил стрелокет по рулежной дорожке на полосу.

«Месяц» Хавьеса уже ушел вверх, и я отправился следом. Разбег у «Чаровницы» был удивительно коротким, я взял быстрый старт, низко пролетев над берегом, где толпились зрители, и начал набирать скорость над заливом, поднимаясь спиралью вверх и выискивая в небе стрелокет соперника. Демон действительно оказался покладистым, управление – удобным и мягким. В моей груди кипело лишь ликование, я вновь был в небе, я снова летал, а как и на чем – совершенно неважно.

Как только «Чаровница» поравнялась с «Месяцем», он упал вниз, крутанув «бочку», а после, когда я рухнул за ним, пытаюсь скорректировать курсы, резко погасил скорость, едва не уйдя в плоский штопор.

Я чуть было не пролетел мимо, но разгадал его маневр, и мы оба вновь начали набирать высоту, закладывая петли на радость зевакам. Разумеется, он пошел на солнце, стараясь ослепить меня, так как ни шлемофона, ни очков мне никто не дал. И это удалось. Я на несколько мгновений потерял «Месяц» из виду, ушел выше, повернул и лишь тогда заметил его ниже себя ярдов на триста, летящим параллельно берегу.

Хавьес, похоже, тоже не мог меня найти, я видел, как крутится его голова, так что воспользовался этой заминкой и оказался в сотне ярдов за ним. Поймав стреколет в прицел, я сказал:

– Пиф-паф!

Начался форменный аттракцион на зависть всем гномьим каруселям. Человек пытался сбросить меня, а я – удержаться. Этот Хавьес действительно был хорош и превосходно чувствовал небо. За двадцать секунд он выполнил весь максимум чудес для любого боевого летуна, уводя меня на перегрузки[9 - Имеются в виду перегрузки, которые пилот испытывает во время выполнения некоторых фигур высшего пилотажа.] так, что темнело в глазах, но каждый раз я говорил:

– Пиф-паф!

Было жаль, что он меня не слышит, это бы его порядком разозлило.

Его «Месяц» ушел в затяжное пикирование, выровнялся возле самой воды, но утащить меня на дно у него не вышло.

Стрелки на часах загорелись красным. Минута закончилась, я выиграл, и выпивку придется оплачивать не мне. Поравнявшись с Хавьесом, несколько секунд я двигался параллельно с его стреколетом. Затем он резко ушел вверх, показывая, что моя компания ему не нравится. Что же. В друзья к нему я точно набиваться не буду.

Я отвернул к посадочной полосе, снизил скорость, выравнивая стреколет, мельком глянув на магический шар, корректируя высоту. Впереди, на берегу, меня встречала толпа зрителей. Внезапно мелкие фигурки начали разбегаться в разные стороны, я резко обернулся и увидел, что «Месяц» как раз заходит мне в хвост.

Я рванул жезл влево, и «Чаровница» проворно ушла с курса, избежав целого роя огнепчел.

Надо было пошевеливаться, так как стало понятно, что сесть спокойно мне никто не даст. И вот тут пришлось воспользоваться преимуществами старенькой

«Чаровницы» – ее проворством и верткостью.

Я уходил над водой, бросаясь то влево, то вправо, избегая стегающих очередей, от которых закипал океан. Хавьес, как видно, потерял от ярости последние мозги, поэтому лупил в «молоко», не особо целясь, и как только мы пролетели над землей – пальмам и ближайшим домам крепко досталось.

– А как тебе такое? – пробормотал я, заставляя демона взвыть от напряжения, а стреколет свечой уйти вертикально вверх.

Он не отстал, но запоздал с подъемом, и я вытащил его на крутую «горку», спикировав вниз как раз над мысом, где находилась полоса и казармы Патруля. Если честно, у меня просто не было выбора, улыи пусты, отвечать нечем, так что пришлось звать на помощь, пускай и столь своеобразным способом.

Я вывел стреколет из пике над постройками, едва не снеся брюхом крышу, и почти тут же за меня это сделали огнепчелы Хавьеса, «распоров» дом так, что у меня за спиной на мгновение взлетело высокое пламя.

Шутки кончились, крутиться над городом стало опасным в первую очередь для живущих в нем, и я отвернул к джунглям и далеким горам. Увеличив скорость до максимума, «Чаровница» стала закладывать большой круг, а я надеялся, что помощь не заставит себя долго ждать. Так и случилось. Когда внизу появился влажный, укрытый туманом лес, справа появились два «Развратника» в знакомой черной расцветке.

Ребята не собирались церемониться, узнавать, что произошло, и тем паче просить приземлиться. Как я уже успел понять, не в правилах Патруля разговаривать с теми, кто их атакует. «Месяц» Хавьеса лопнул огненной сливой, и его дымящиеся останки рухнули в душные джунгли.

Я летел прежним курсом, не дергался и не менял высоту, не желая провоцировать летунов из Патруля. Надо думать, что они сейчас страшно злы из-за случившегося, поэтому следует быть вежливым.

Угольно-черный «Развратник», глухо ревя, пристроился мне в хвост, второй стреколет оказался рядом, и летун в шлеме резким и непреклонным жестом показал мне, чтобы я шел на посадку. Получив мое согласие, он повел меня к

ближайшей в городе полосе, заставив сесть практически без захода, с резким отворотом от холма Логова.

Возле ангаров уже собрались зеваки. Я погасил скорость, и стреколет, пробежав по инерции еще сотню ярдов, остановился рядом с гомонящей толпой. Только после этого Патруль слаженной двойкой убрался восвояси. К зрителям присоединились стражники – ребята в алых мундирах. Рыжий лепрекон в зеленом цилиндре как раз что-то втолковывал их лейтенанту, молодому человеку с золоченой шпагой на поясе.

Часть публики приветствовала меня дружным ревом и аплодисментами, надо полагать, они кое-что заработали на моей победе. Буваллон с помощью Моржа первым поднялся на крыло, заглянул в кабину:

– Ну ты дал, паря! Все аж рты пооткрывали, когда ты колечки в небесах стал выписывать! Ну ты дал, паря!! У меня сущий восторг! Только плакала моя халявная выпивка. Хавьес теперь точно не заплатит.

– Ни одной пробоины. Ты счастливчик, – сказал Морж, когда я спрыгнул на землю. – Я даже не думал, что моя старушка еще так резва. Отличный полет, эльф.

– Зарядил бы ты улы, было бы еще интереснее, – сказал я ему. – Но машина замечательная. Спасибо тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Высший военачальник эльфов, командующий воздушными эскадрами. – Здесь и далее см. глоссарий.

2

К и р а л л э т а (эльф.) – близкий аналог перевода на человеческий язык – королева, хотя этот термин имеет более глубокое значение. Правительница Эллатейры – королевства эльфов.

3

Наемные убийцы и ловцы беглых преступников. Члены этого клана подчиняются только приказам шеллена.

4

Наречие светлых эльфов.

5

Обращение к эльфу из высшего сословия.

6

Штурмовое крыло на воздушных кораблях используется как площадка для стрелков, для атаки абордажной команды или же подвеса стреколетов на тяжелых судах. У всех кораблей, кроме линкоров, во время походного положения крылья поднимаются и прижимаются к корпусу, служа дополнительной защитой от ядер.

7

С в а л и в а н и е – резкое падение подъемной силы, когда стреколет перестает держаться в воздухе и начинает падать.

8

Ф о н а р ь – стеклянный колпак над кабиной, защищающий от ветра и непогоды.

9

Имеются в виду перегрузки, которые пилот испытывает во время выполнения некоторых фигур высшего пилотажа.

Купить: <https://tellnovel.com/aleksey-pehov/lovcy-udachi>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)